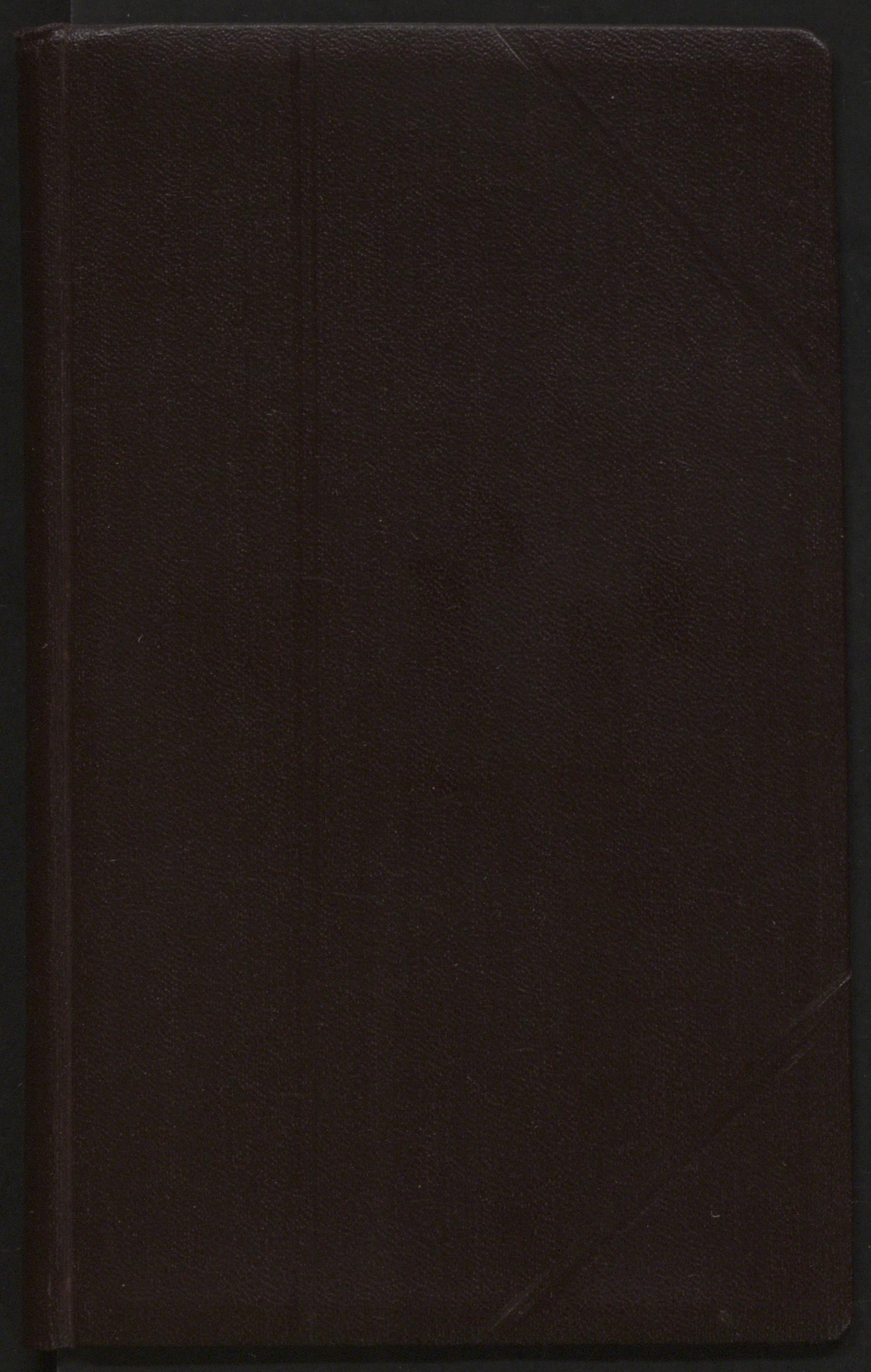

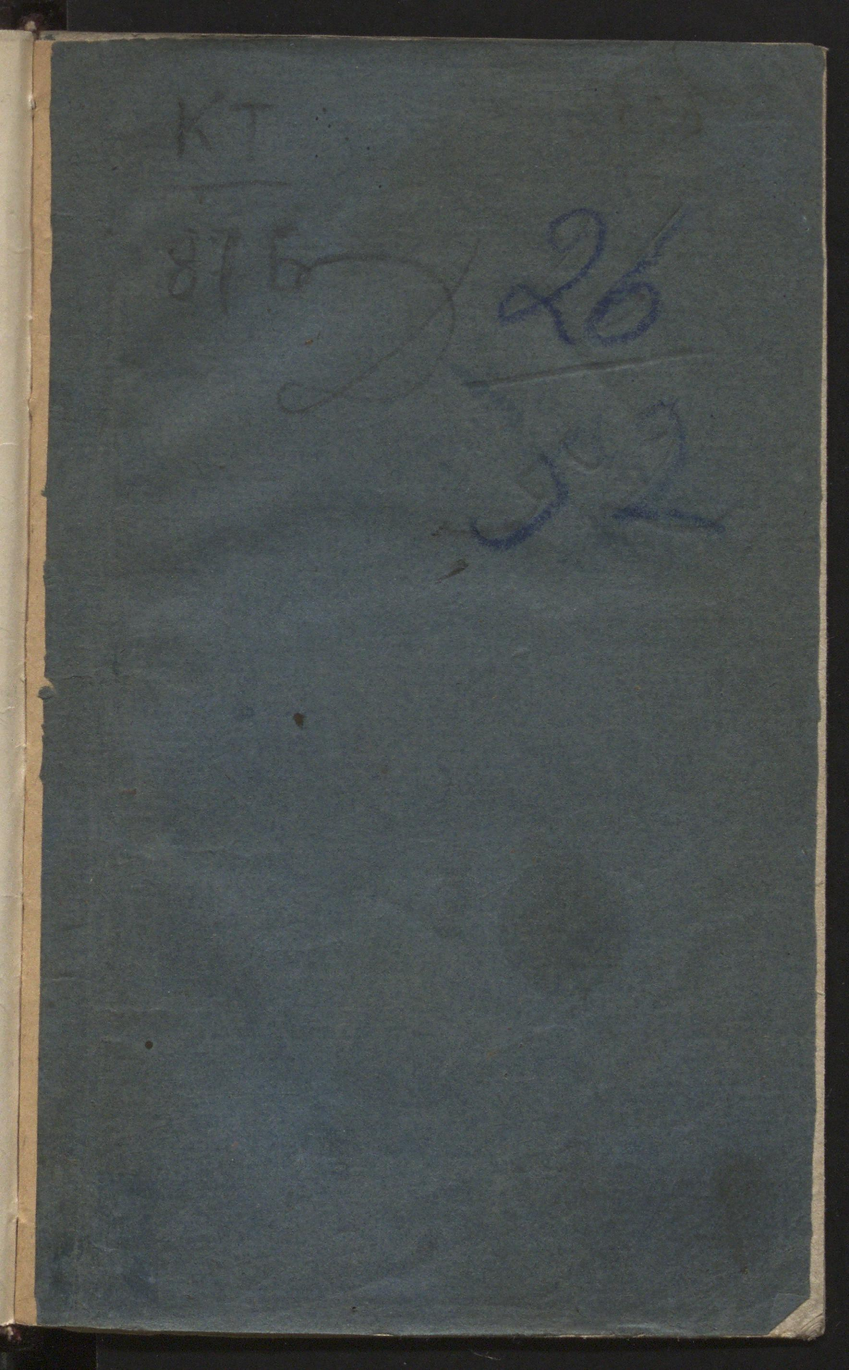
KT
816
26

ТИТЪ

ТРАГЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

Г. ДЕ БЕЛЛУА.

МОСКВА.

ВЪ Типографіи Компаніи Типографической
съ Указнаго дозволенія.

1787.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ТИТЪ Императоръ, сынъ Веспасіана.

ВИТЕЛЛІЯ, дочь Императора Вителлія, низверженнаго Веспасіаномъ.

СЕКСТЪ, АННІЙ, } Консулы и наперсники Титовы.

ЛЕНТУЛЪ, родственникъ Вителліинъ.

ТУЛЛІЯ, наперсница Вителліина.

АДРІАНЪ, другъ Лентуловъ.

Сенаторы.

Воины.

Дѣйствіе въ Римѣ, въ Императорскомъ домѣ.

ЕГО

ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ

КАМЕРГЕРУ

и

Св. Владимира третїей степени

КАВАЛЕРУ,

МАТВѢЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ

СПИРИДОВУ

Нижайшее приношенїе.

МИЛОСТИВѢЙШІЙ

ГОСУДАРЬ!

Обыкновеніе Издателей приписывать Изданія знаменитымъ Особамъ, или для приданія важности онымъ, либо для возданія чувствительнѣйшей благодарности и засвидѣтельствованія своей преданности, побудило и меня для послѣдней наипаче причины приписать Имени Вашего Превосходительства сію книжку. Пріимите, Ваше Превосходительство, сіе приноше-

ніе яко самой большій знакъ моей благодарности и преданности, съ которою имѣю честь пребыть навсегда,

ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО!

МИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Вашъ всепокорнѣйшій слуга

Яковъ Благодаровъ.

ТИТЪ

ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Вителлія, Туллія.

Туллія.

Наконецъ Титъ зрѣнію нашему возвратится. Римъ, въ отдаленности отъ стѣнъ своихъ, стремится встрѣтать своего Государя; пути усыпаны лаврами и цвѣтами, и любовь несетъ всѣхъ сердца на срѣтеніе ему. Возставшій Римъ прославляетъ сей благополучный день, которой возвратилъ ему отъ гроба отца его; сей щастливый побѣдитель Азіи и судьбы торжествуетъ надъ смертію, подобно какъ и надъ людьми.

Вителлія.

Скажи лучше, что нещастіе его возвращаетъ въ сіи стѣны, что смерть, его ожидающая, получитъ свою добычу; сей прекрасный день кончится горестною нощію. Подъ его торжественною колесницею гробницу ему го-

готовят. Небо, готовое вспомоществовать моей законной злобѣ, украсило жертву мою для принесенія оной моему родителю. О горестной Вителлій! наши мучители соединятся въ адѣ съ твоимъ утѣшенным прахомъ! Я пролію сію кровь, которая искоренила твой родъ, и которая толь пагубна твоей славѣ. . . . а наипаче твоей дочери; сію кровь, которая всегда твою побѣждала, которая похитила твое царство, и которая лишаетъ меня добродѣтели.

Туллія.

Коль странна мнѣ рѣчь твоя! Душа прекрасной Вителліи можетъ ли быть преисполнена толь жестокими намѣреніями? Что ты говоришь о крови, о мщеніи, о смерти? Какія новыя причины сіе ожесточеніе возбуждаютъ? Казалось, что со времени, какъ Императоръ удалилъ Берениду, отомстивъ сею великою жертвою за Римъ и за тебя, твои долговремянныя возчувствованія, произходящія отъ ревностной любви, уступили мѣсто нѣжнѣйшимъ чувствіямъ. А нынѣ, какъ сладостная надежда тебѣ ласкаетъ, сокрытая твоя ненависть воспаляетъ больше, чѣмъ прежде, гнѣвъ твой.

Вителлія.

Могу ли я, Туллія! ласкать себя дерзкою надеждою? Увы! какая любовь! могу ли я ей повиноваться? могу ли я преступить

честь, должность, добродѣтель? Нѣтъ, мое пламя должно погаснуть въ крови Титовой. Воспомни сей ужасный день, когда отецъ его взволновалъ противъ насъ дерзской народъ; когда Веспасіанъ, побѣдитель Илумеи, возведенный воинами на Кесаревъ престолъ, привелъ къ симъ стѣнамъ свое вѣроломное войско. Римъ отворилъ врата похитителю, и въ пагубной залогъ кровожаждущаго мира сей мучитель принялъ главу моего родителя. Можетъ быть мой полъ и младенческія слезы смягчили ко мнѣ торжествующаго убійцу, или Веспасіанъ въ тѣ пагубныя минуты презрѣлъ слабые остатки побѣжденнаго. Наконецъ отъ меча сихъ убійцъ, отягченныхъ злодѣяніями, одна я спаслась отъ смерти въ семъ горестномъ домѣ. Въ спокойной ссылкѣ, удаленная отъ похитителя, оплакивая смерть моего родителя, щастлива я была въ моемъ бѣдствіи; но лѣта, возвеличивъ мои нещастія, возбудили во мнѣ къ симъ убійцамъ мою ненависть. Возрастая, я напаялась противъ нихъ злобою; сердце мое питалось мстительными намѣреніями; отъ единаго имени Тита я трепетала. Сіи великія чувствія должны ли въ единъ день быть преобораемы постыдною любовію? Но, ахъ Титъ! ты, укротивъ безжалостнаго твоего отца, призвалъ меня въ Римъ, и учинилъ меня преступницею! Твоя добродѣтель со-

дѣлала мое преступленіе, и твои побѣждающія прелести, воспаливъ во мнѣ къ тебѣ любовь, принудили меня подражать сердцамъ всѣхъ. Но почто я воспоминаю о семъ недостойномъ пламени, о сихъ постыдныхъ заблужденіяхъ, моей душѣ безчестіе наносящихъ? Что я говорю? Моя добродѣтель должна мнѣ ихъ напоминать для непрестаннаго моего укоренія и для побужденія меня къ должной мести.

Туллія.

Но какое преступленіе сей великодушной Государь? . . . . .

Вителлія.

Ты видишь его на моемъ престолѣ, и ищешь его преступленія! Онъ произшелъ отъ той крови, которая изкоренила родъ мой, и ты можешь удивляться, когда я его проклинаю! Безчестіе неотомщенной обиды вѣчно пребываетъ, и родъ ненаказаннаго злодѣя всегда повиненъ остается; такъ мнятъ въ сихъ мѣстахъ всѣ великія души, такъ сами боги поступаютъ, и народъ сіе утверждаетъ. Судьба, лишивъ меня щастливаго содѣтеля преступленія, оставила его сына, и назначила въ немъ мою жертву. Увы! сей опасной Титъ могъ бы единымъ своимъ желаніемъ превозмочь всю мою праведную злобу. Сердце его, казалось, соотвѣтствовало моей чрезмѣрной любви. Коль легко почи-

таешь себя любимою тѣмъ, кого любишь! Его великое старанiе о услажденiи моихъ нещастiй каждой день вымышляло новыя благодѣянiя. Онъ отиралъ мои слезы; онъ мнѣ клялся безпрестанно наивеличайшею дружбою, наичистѣйшею нѣжностiю Дворъ его былъ мой, и я въ немъ давала законы; часто по прошенiю моему милосердствовалъ онъ Царямъ: посреди собственнаго моего рода меньше бы я была почитаема; онъ побудилъ отца своего называть меня своею дочерью. О названiе, которое я обожала!..... которое я должна была ненавидѣть! какою обманчивою надеждою ты мнѣ польстило? Наслѣдственная гордость моего честолюбiя уже меня возводила на престолъ моего родителя: Титъ! говорила я тогда: я не пролила мою кровь, и мой родитель отомститъ, естьли я взойду на его мѣсто. Прелестное видѣнiе толь прекраснаго предмета удаляло отъ слуха моего роптанiе природы. —— Всѣ мои желанiя, восхищенныя сладостною надеждою, не искали, не видѣли ничего, кромѣ скипетра и Тита —— Возможно ли отказаться отъ сего вышняго благополучiя, дѣлить престолъ съ дражайшимъ человѣкомъ? Но невѣрной! кто бы сiе сказалъ? съ сердцемъ, преисполненнымъ другимъ пламенемъ —— презирая мою любовь, обольщалъ мои желанiя —— и коль великое безчестiе для Римлянки! Невѣрной мнѣ предпочи-

чи-

читалъ, кого? великіе боги! Царицу! а на меня истощалъ только тѣ великодушныя старанія, каковыя безпрестанно онъ изливаетъ и на послѣднѣйшаго изъ смертныхъ.

Туллія.

Но естьли Титъ виненъ сею любовію, то онъ довольно сіе простительное заблужденіе заслуживаетъ; горестной побѣдитель своихъ нѣжнѣйшихъ желаній, онъ жертвуетъ своимъ сердцемъ нашимъ страннымъ узаконеніямъ, и бывъ всегда къ тебѣ нѣженъ въ своей дружбѣ, зри, какое сіи узаконенія тебѣ подаютъ право ожидать прежде Титова отъѣзда. Государство съ нетерпѣніемъ, казалось, желало его брака; всѣ страшатся повиноваться его брату, и желаютъ, чтобы утверждено было удаленіе иностранки. Можетъ быть Титъ для своего щастливаго возвращенія явитъ своимъ подданнымъ сей знакъ своея любви; и ежели онъ вознамѣрится наименовать себѣ супругу, то кто можетъ тебѣ оспоривать толь справедливую надежду? Желанія всѣхъ Римлянъ стремятся къ сему выбору; Титъ утвердитъ сіе. Наконецъ ежели ты будешь . . . . . .

Вителлія.

Ежели я буду его супруга, Туллія, ежели онъ принесетъ свое сердце къ стопамъ Вителліи . . . . . . Но нѣтъ! . . . Я его увижу въ новомъ его блистаніи всегда пре-

лестнѣе и всегда вѣроломнѣе. . . Его презрѣнія еще возрекутъ моему гнѣву, что онъ сынъ мучителя, который меня лишилъ родителя. Ахъ! накажемъ Тита за то, что онъ воспалилъ мое сердце любовію, и накажемъ мое сердце за то, что оно могло быть воспалено къ нему симъ нѣжнымъ пламенемъ. Его примѣръ меня побуждаетъ къ сему великому усиливанію. Титъ меня научилъ побѣждать себя. Борющійся долгъ мой не можетъ надѣяться на мою слабую добродѣтель, пока Титъ живъ будетъ. Да увѣрится наконецъ торжество мое на гробѣ его; да излечитъ мою рану изліянная его кровь. Тщетно Римъ нынѣ его до небесъ возноситъ. . . Онъ важенъ для вселенной, но для меня онъ чудовище; тотъ, которой воспалилъ во мнѣ сію постыдную любовь, злодѣй для меня. —— Сія страсть нѣжная содѣлываетъ меня преступницею. —— . . . Наконецъ, не имѣя надежды быть его супругою —— супругъ мой будетъ Секстъ, когда пронзитъ его груди.

Туллія.

Секстъ! О небо! другъ самаго Тита, обремененный его благодѣяніями!

Вителлія.

Онъ ихъ позабываетъ; онъ меня любитъ. Познай, Туллія, сію ужасную тайну, которую я съ трудомъ скрывала отъ твоей вѣрности! Ты въ сей великой день мнѣ нужна, и могу

гу ли я той опасаться, которая мнѣ вмѣсто матери была? Съ той минуты, какъ Секстъ открылъ мнѣ свою любовь, я почитала его мнѣ посланнымъ богами мстителями, и хотѣла, чтобъ онъ былъ сокрытъ во глубинѣ моей души, и единые бы только глаза мои видѣли его пламя, чтобы наипаче сокрывалъ онъ сію тайну отъ строгаго Аннія, прежняго своего и Титова друга. Ты знаешь, что Императоръ симъ двумъ своимъ наперсникамъ повѣрилъ свое могущество во время своего отсутствія; Секстъ повелѣваетъ въ Римѣ, и можетъ нынѣ единъ скрыть всѣ наши приготовленія, безъ него весьма опасныя. Колико трудно мнѣ было его привести къ сей пагубной клятвѣ, въ которой онъ и нынѣ тайно раскаевается! Коликими угрызѣніями его сердце сражаемо было! Титовы взоры возвращали ему добродѣтель; послѣ шести мѣсяцевъ нерѣшительной ярости, безпрестаннаго прехожденія отъ любви къ ненависти, я видѣла его готоваго торжествовать надъ своимъ пламенемъ; дружба потушала любовной огнь; но Кесарево отсутствіе его воспалило; Лентулово присутствіе еще больше оной утвердило. Сей свирѣпой Лентулъ, съ которымъ кровь меня соединяетъ, и котораго Веспасіанъ изъ Рима удалилъ, а Титъ возвратилъ; но горя мщеніемъ душа его, нечувствительна къ благодѣяніямъ, а чувстви-

тельна къ обидѣ; онъ мнѣ одолженъ своимъ возвращенiемъ, и представился собрать нашихъ друзей и возбудить ихъ вѣрность. И въ самомъ дѣлѣ чрезъ его старанiя скоро я собрала разсѣянныхъ друзей моего родителя. Секстъ, видя его великое усердiе, кое не меньше есть и корыстолюбивое, щитаетъ въ немъ рачительнаго соперника, и трепещетъ, чтобы ревностная рука Лентулова ударами своими не предупредила его руки, а въ награжденiе за сiе не получилъ бы моей —— Любовь во мнѣ все дѣлала прежде для Тита, а нынѣ она все для меня дѣлаетъ въ Секстовой душѣ. Но онъ идетъ.

(Вителлiя даетъ знакъ Туллiи, чтобы она удалилась въ конецъ Театра.)

ЯВЛЕНIЕ II.

Вителлiя, *Секстъ*, *Туллiя* (въ отдаленности.)

С е к с т ъ.

Готовый исполнить то страшное обѣщанiе, которое любовь исторгнула изъ устъ моихъ, прости, что я пришелъ в просить тебя о смертоносномъ ударѣ, которой рука моя трепещетъ содѣлать! Ты мнѣ препоручила твое мщенiе; я самъ старался прiобрѣсть сiе ужасное преимущество, кое меня

увѣ-

увѣряетъ въ наградѣ. . . . Награда сія безцѣнна, но не злодѣйству: добродѣтели бы она должна была принадлежать. Ахъ! почто обѣщана она нынѣ вѣроломнѣйшему? Почто толь прелестная рука отдается убійству? —— Но да будетъ такъ, когда сіе тебѣ угодно. Негодуя на иго, коему должно покориться, я стремлюсь величайшими злодѣяніями тебя получить! —— Но прости мое сомнѣніе. —— Титова дружба прежде сего тебѣ была драгоцѣнна. Его сердце всегда являло тебѣ сладостную склонность. Твоя душа добродѣтельна —— можетъ быть, низвергнувъ его во гробъ, возчувствуя раскаяніе и угрызѣніе, осуждать будетъ утушенной гнѣвъ твой, и исполнителю нынѣшней твоей ненависти сіе убійство будетъ пагубно; можетъ быть ты укорять меня будешь поспѣшеніемъ вспомоществованія твоему гнѣву. Я страшусь, исполняя твою волю, учиниться предъ тобою преступникомъ.

Вителлія.

Ахъ! когда родитель нась возбуждаетъ къ отмщенію, злоба тогда добродѣтель есть, а раскаяніе злодѣйство. Почто ты думаешь, чтобы мое сердце могло возвратиться къ толь постыдному чувствію? Не мни во мнѣ видѣть сей недостойной слабости. Сими ли подозрѣніями доказываешь мнѣ любовь твою? Но нѣтъ, я вижу ясно: Титово приближеніе

те-

тебя вЪ трепетЪ приводитЪ; страхЪ, приличной твоему единому сердцу, тебя смущаетЪ и колеблетЪ; душа твоя не имѣетЪ толикой твердости, чтобы исполнить сіе великое дѣло, и представляетЪ тебѣ мою ненависть совсѣмЪ уже обезоруженною.. Кто меня толь мало знаетЪ, можетЪ ли тотЪ любить меня?

Секстъ.

Люблю ли я тебя! увы! для чего не могу я самЪ вЪ томЪ сомнѣваться? Какими еще злодѣяніями должно сіе доказать? Сія непреоборимая любовь, сія мучительница жизни моей противЪ воли моей покоряетЪ мою душу твоимЪ повелѣніямЪ. —— ДругЪ, пылающій усердіемЪ, или любовникЪ, сгараемой любовнымЪ пламенемЪ, попеременно бываетЪ злодѣй, или добродѣтеленЪ. Жестокое угрызѣніе меня терзаетЪ, и мысль моя тебя обвиняетЪ, но сердце обожаетЪ. Проклинаю любовь мою, но не могу изгнать ее; власть твоя повелѣваетЪ моимЪ разсудкомЪ. ОнЪ видитЪ ослѣпленіе, но сердце мое влечется, видитЪ бездну всѣхЪ моихЪ злодѣйствЪ; и обожая еще добродѣтель, ненавижу злодѣянія, но для тебя стремлюся на оное. Какого еще торжества ты желать можешь?

Вителлія.

Нѣтъ! я не требую толь постыднаго усиливанія, худо исполнить мои желанія, отъ того, которой ихъ осуждать можетъ. Я мнила, что строгая честь повелѣваетъ моему любовнику мстить за родителя моего, и симъ учиниться достойнымъ его сыномъ, ставъ моимъ супругомъ. Но ты, ты сего названія недостоинъ; ты почитаешь злодѣйствами сіи великія намѣренія. — Неси къ другой твои добродѣтели, а меня оставь съ моими злодѣяніями.

Секстъ (гордо).

Жестокая! я бы долженъ сіе учинить, и часто того желаю. Сто разъ я на сіе намѣревался, (*нѣжно*) но мое стараніе всегда тщетно оставалось. Чѣмъ больше я хотѣлъ превозмочь любовь мою, тѣмъ больше твои прелести мнѣ представлялися, и укрѣпляли оковы мои. — Я скажу больше: я шелъ съ намѣреніемъ разрушить предъ тобою иго мое; но лишь только тебя увидѣлъ, такъ скоро оное наибольше утвердилось; всѣ мои намѣренія преклонились власти твоей. Теперь иду къ сообщникамъ нашимъ, ожидающимъ съ ужасомъ возобновить мою клятву. Полученіе твоей руки не оправдываетъ злодѣйства моего; но кто бы для тебя не учинился преступникомъ?

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Вителлія, Туллія.

Вителлія.

Ты познаешь мое намѣреніе изъ любви, его ослѣпляющей. Онъ, обладая свѣтомъ, будетъ моимъ подданнымъ. Я буду владычествовать надъ властителемъ Царей, и возобновлю оковы, наложенныя Агрипиною.

Туллія.

Но какъ завистливой Лентулъ будетъ взирать на бракъ, соединяющій тебя съ Секстомъ? Ты знаешь его съ младенчества; онъ недоволенъ будетъ единымъ премѣненіемъ обладателя; и власть, тобою Сексту данная . . . .

Вителлія.

Я судьбу ихъ опредѣлила: они будутъ дѣлить власть сію. Лентулъ скрытно желаетъ чрезъ полученіе меня учиниться единымъ властителемъ, и сей надмѣнной духъ восхощетъ покорить меня подъ власть свою; но я не для того избираю себѣ супруга, чтобъ быть его рабою. —— О ты, который по Титѣ содѣлывалъ всѣ мои утѣшенія, престолъ! тотъ достойной предметъ всѣхъ моихъ жертвъ! соверши желаніе мое въ сей день, уже ужасный.

Туллія.

Я вижу Лентула.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Вителлія, Туллія, Лентулъ, Адріанъ. (Туллія и Адріанъ стоятъ въ отдаленности.)

Лентулъ (стремительно.)

Все соглашается съ твоими желаніями, и въ сію нощь похититель престола окончитъ жизнь свою. Друзья наши готовы, зажженіе Капитоліи означитъ сію смертоносную минуту: имя твое препровождаетъ, а мое усердіе воспаляетъ ихъ; я вліялъ духъ мой въ ихъ яростныя сердца; но постараемся нашимъ поспѣшеніемъ утвердить ихъ намѣреніе; сіи медлительности возраждаютъ угрызеніе и страхъ. Кто спѣшитъ воспользоваться щастливою минутою, тотъ пріобрѣтаетъ побѣду; а упущеніе оной приводитъ на мѣсто казни. Взоръ Титовъ можетъ утушить ихъ ярость. Ты знаешь, колико онъ любимъ; сія любовь увеличиваетъ во мнѣ къ нему ненависть. (*Онъ съ примѣчаніемъ смотритъ на нее, говоря слѣдующія слова:*)

Съ какою нетерпѣливостію желаю я видѣть сего мучителя умерщвленнымъ, поверженнымъ на престолѣ своемъ, и по смер-

ти

ти его возвести тебя на оной; поднести предъ взоры твои торжественною рукою моею его сердце и главу окровавленныя! — Ты трепещешь?

Вителлія (утвердясь).

Я? . . . . Нѣтъ. . . . Я желала бы своею рукою пронзить его сердце первыми ударами.

Лентулъ.

Сіе мнѣ принадлежало; я осмѣливался симъ себя ласкать. Щастливой Секстъ пріобрѣлъ себѣ сію славу; ты его предпочла. Его рука лишаетъ меня чести, къ которой я стремился, желая тебѣ услужить. Онъ получаетъ за сіе величайшую награду, которой ласкало себя мое, обожающее тебя, сердце. Прости мнѣ; душа моя удаляется отъ сей унылости любовныхъ вздоховъ, отъ сихъ стараній, толь обыкновенныхъ любовникамъ. Я мнилъ; что толь суетное и обманчивое искусство тебя недостойно; я мнилъ, что для пріобрѣтенія руки твоей должно отомстить за тебя. Къ сему отомщенію уже все готово, и кѣмъ учинено сіе? — Суди сама теперь. Что сдѣлалъ сей Секстъ, тебя толь любящій? Хладными вздохами изъясняетъ онъ любовь свою; но стремительное усердіе къ желаніямъ твоимъ изъявляетъ мое пламя, тобою во мнѣ воспаленное!

Вителлія.

Признаюсь, рѣчь сія меня удивляетъ (*съ усмѣшкою*). Я не вѣдала, что любовь тебя ко мнѣ привлекала. — Но я въ себѣ не вольна; тебѣ извѣстенъ законъ, меня отдающій Сексту. Могу ли я преступить его?

Лентулъ.

Я бы Сексту сего не отрицалъ, естьлибъ онъ сохранялъ сей законъ. Взиралъ бы на моего соперника безъ злобы, естьли бы онъ сего сокровища былъ достоинъ. Но какъ, когда онъ колеблется исполнить свое обѣщаніе, ты подвергаешь судьбу нашу его слабости? Страшусь, чтобъ сей вѣроломный не возвратился къ Титу. — Кто измѣняетъ дружбѣ, тотъ легко можетъ измѣнить любви.

Вителлія.

Я люблю Секста, естьли онъ вѣренъ своему обѣщанію; но когда онъ преступникъ клятвы своей, то я его ненавижу; и тогда твои желанія исполнены будутъ. Мое сердце, отдающееся въ награду за отмщеніе мое, ничѣмъ любви не принадлежитъ, но всемъ мщенію. Оно одно опредѣляетъ нынѣ мою судьбу, и Титова смерть учреждается моею рукою.

(*Уходитъ съ Тулліею.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Лентулъ, Адріанъ.

Лентулъ.

А смерть Секстова скоро меня учинитъ обладателемъ оной. Сіе тебя удивляетъ, Адріанъ? но слушай. Какъ? Секстъ будетъ наслаждаться плодомъ моихъ трудовъ? Какъ? Я одинъ составилъ сей страшной заговоръ, учредилъ все, истощилъ всю хитрость для укрѣпленія онаго, и для щастливаго успѣха намѣреній нашихъ; а Секстъ соберетъ всю пользу и весь плодъ его? онъ, который безъ всякаго труда единственно будетъ носить на себѣ имя презрительнаго убійцы. Нѣтъ, сіе не будетъ. Тщетно ласкаетъ себя симъ Вителлія! Я знаю мысль сей гордой женщины; она хочетъ, сочетавшися съ моимъ соперникомъ, сама царствовать въ Римѣ подъ его именемъ, вѣдая, что со мною будетъ только супруга Императору, и первая подданная, ему покоренная. Вотъ ея намѣреніе, дающее предпочтеніе моему сопернику, котораго я скоро избавлюся. Умертвивъ Тита, обращу на Секста весь ужасъ смерти его; пріиму на себя должность мстителя за сего Государя, и низвергну во гробъ сего убійцу, привлеку къ себѣ его смертію согласіе всего Рима.

Адріанъ.

Нужна тебѣ рука его противъ обожаемаго Государя. Убійца, которой не можетъ не наказаннымъ остаться. — По что Титъ въ отдаленности отъ Рима, въ Азіи, не лишился жизни? Безъ опасности умертвили бы брата его, и сіе чудовище не имѣло бы мстителей. Титъ имѣетъ добродѣтели Веспасіана, а Домитіанъ пороки его; одинъ страшилище Рима, другой его утѣшеніе. Но Вителлія можетъ быть не захочетъ имѣть супругомъ своимъ убійцу Секстова, коего она обожаетъ.

Лентулъ.

Она его обожаетъ, говоришь ты? Оставь сіе суетное заблужденіе. Я проникъ во глубину души ея, и разогналъ тьму сокрытыхъ ея таинъ: единое любочестіе ею нынѣ обладаетъ. Когда изобразилъ я ей съ хитростію Секста измѣнникомъ, она не встревожилась; когда же ей представилъ Тита, утопающимъ въ крови своей, она восстрепетала. Сего довольно мнѣ для познанія ея темныхъ сокровенностей, и не страшуся больше моего соперника. Она любитъ Тита, думая его ненавидѣть; но видя презрѣнную любовь свою, погубляетъ его. Отомстивъ ему, скоро раскаяніе возчувствуетъ, обратитъ всю злобу свою на Секста, убійцу того, кого она любитъ; и увидя во мнѣ мстителя,

тер-

терзающаяся любовь ея соединитъ ее со мною, и согласится на всѣ мои желанія.

Единаго я въ Секстѣ опасаюсь: дружба, сія добродѣтель, при дворахъ рѣдкая, его преобораетъ. Потщимся теперь изгнать ее изъ его сердца, и возбудивъ въ немъ ревность, учинимъ благополучный успѣхъ намѣреній нашихъ.

(*Уходятъ.*)

Конецъ перваго Дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Секстъ (одинъ).

Насталъ сей ужасный день, въ которой любовь положила конецъ моей добродѣтели. Уже возвращается тотъ Герой, меня толь любящій, котораго я обожаю, и которому я, можетъ быть, больше долженъ, чѣмъ самому себѣ. Онъ во мнѣ полагаетъ свое щастіе; а я, о вѣроломный! я вонжу мечь въ грудь его! Ахъ, Титъ! весь свѣтъ, трепетавъ отъ угрожающей тебѣ смерти, погибая съ тобою, возсылалъ къ богамъ о тебѣ моленія свои, нынѣ оживотворяется, и возрадовавшись приноситъ безсмертнымъ благодаренія о спасеніи твоемъ. Одинъ Секстъ, твой любезной Секстъ! можешь ли ты сему повѣрить? увы! онъ одинъ оплакиваетъ, что смерть не скосила жизнь твою. Такъ, когда богамъ за тебя все стремилось въ жертву, я одинъ желалъ твоей смерти, которая избавила бы меня злодѣйства. Но жестокіе боги, не услышавъ моихъ желаній, тебя свѣту возвратили. —— Мучительная любовь! ты, лишая меня добродѣтели, и утвердивъ мою ужасную

сную клятву, повергаешь меня въ бездну злодѣйствъ. Естьли не исполню мое звѣрское обѣщаніе, то лишуся прекрасной Вителліи, которая заключаетъ въ себѣ щастіе моей жизни; она во гнѣвѣ своемъ отдастся въ объятія другаго, и я ее лишуся для Тита, котораго не могу уже спасти отъ смерти. Сія непреоборимая женщина во мщеніи своемъ и мой лютѣйшій соперникъ. — Но вотъ и онъ идетъ примѣчать смятеніе, меня въ заблужденіе приводящее. Злодѣй! хитрость его проникаетъ тайну во глубинѣ сердечной; не будемъ предъ нимъ больше скрываться, и постараемся чрезъ то познать приготовляемые удары, меня угрожающіе.

ЯВЛЕНІЕ II.

Секстъ, Лентулъ.

Лентулъ.

Все теперь готово покорить волѣ нашей судьбины вселенной съ судьбами Римлянъ. Но Консулъ, сомнѣніе мое справедливо, можетъ быть мнѣ показуетъ, что исполненіе намѣреній нашихъ толь же еще отдаленно, какъ и прежде было. Глаза твои не угрожаютъ смертію Тита: я зрю въ тебѣ смятеніе, которое мало обѣщаетъ успѣха желаніямъ нашимъ.

шимъ. Кто идетъ трепеща, тотъ вѣрно упадаетъ. Позволь мнѣ спросить, что можетъ тебя останавливать на семъ пути, къ славѣ насъ ведущемъ? Я мнилъ, что утушивъ безчестное раскаяніе, неустрашимость обитаетъ въ твоемъ сердцѣ.

Секстъ.

Неустрашимость ли сіе? Увы! звѣрская ярость измѣнника! Ахъ! естьли еще остатокъ добродѣтели терзаетъ насъ раскаяніемъ, не безчестіе то, но честь, гласящая совѣсти нашей.

Лентулъ.

Подобная ли рѣчь должна быть въ устахъ начальника великихъ предпріятій? Слова сіи утверждаютъ подозрѣніе мое, и могутъ поколебать твердость друзей нашихъ:

Секстъ.

Друзей нашихъ! Вѣроломецъ всегда подозрителенъ соучастнику своему; и кто измѣняетъ, тотъ страшится, чтобы ему не измѣнили. Моя пагубная любовь должна тебя во мнѣ увѣрить; не мни, чтобы раскаяніе могло премѣнить любовника намѣреніе, и чтобы любовничьи уста могли открыть тайну, которая подвергнетъ смерти его любовницу. Толь дражайшее участіе отвѣтствуетъ тебѣ въ исполненіи обѣщаній моихъ. . . . Но что я говорю? Ужасное убійство, въ которое

торое я противъ воли моей ввергаюсь, еще устрашаетъ мою душу. Великіе боги! я возмогу умертвить Тита? Воспаленъ любовію, въ ярости моей я могу лишить его жизни? —— Но дружба и добродѣтель исторгнутъ изъ руки моей смертоносное желѣзо. Такъ, единое воображеніе злодѣйства, мною обѣщаннаго, теперь, при тебѣ ужасно мнѣ, и приводитъ меня въ трепетъ! О злая страсть! отъ коликихъ должностей отвлекаешь ты меня! Съ младенчества моего къ Титу прилѣпленный, я былъ хранителемъ тайнѣйшихъ мыслей его души; каждой день означенъ былъ новою ко мнѣ его милостію; въ пятнатцать лѣтъ я не имѣлъ возжелать времени чего нибудь: онъ предупреждалъ всѣ мои хотѣнія, и обременялъ меня благодѣяніями. Твоя ненависть стремится только противу единаго Государя; а я, я во сто разъ вѣроломнѣе, неблагодарнѣе, превосхожу лютѣйшихъ звѣрей! Я вооружаю мою злодѣйскую руку противу друга, и благодѣтелю моему грудь пронзаю! О неслыханное звѣрство! —— О небесное мщеніе! ты уже прежде наказываешь меня жесточайшими угрызѣніями!

Лентулъ.

Оставь робкое угрызѣніе, единымъ слабымъ сердцамъ приличное. Удобно ли колебаться тому, кто дерзаетъ премѣнить судьбу вселен-

вселенной? Взоры его, всегда устремленные на предметъ свой, никогда назадъ не должны обращаться; свободенъ отъ постыднаго ига, вымышленнаго для слабыхъ душъ, сердце его, для славы сотворенное, къ оной стремится; и слѣпо повинуяся ея призывающему гласу, онъ торжествуетъ, естьли твердъ; а естьли колеблется, то погибаетъ. Я самъ страшился; но слѣдуя непоколебимо намѣренію моему, превозмогъ угрызѣнія. Признаюсь, что Титъ меня удивляетъ своими добродѣтелями; но восходя на престолъ, слушалъ ли онъ гласа ихъ? Онъ спокойно наслѣдовалъ право десяти похитителей, на преступленіи утвердившихъ владычество свое. Да низвергнемъ его и возвысимъ славу собственными нашими стараніями. Когда престолъ въ награду получаемъ, тогда ничто не должно останавливать намѣреній нашихъ; и кто съ твердостію на него восходитъ, тотъ неоспоримымъ право свое утверждаетъ; единая сила разполагаетъ скипетромъ и законами. Какъ? обожая добродѣтели въ Титѣ, ты ослѣпляешься симъ ложнымъ сіяніемъ? Познай, Секстъ, что блескъ добродѣтели въ мучителяхъ не иное что, какъ злодѣйская хитрость, которою они содѣлываютъ легчайшимъ иго, ими наложенное, для того, чтобы оно твердо пребывало; и закрывая тягость оковъ подъ прельщеніемъ благодѣяній, укрѣпляютъ оныя, ослѣпляя вселенную.

Секстъ.

Секстъ.

Ахъ! Титъ единымъ только милосердіемъ насъ обременяетъ! Ты щастливъ, тебя ненависть ослѣпляетъ, и твой любочестивый духъ прельщенъ славою; но меня таковое льстивое заблужденіе обманывать не можетъ. При брегахъ бездны, сердце мое еще гласитъ мнѣ: о Секстъ! нещастный Секстъ! что дѣлаешь ты? Злодѣйству ли престолъ принадлежать долженъ? Имѣютъ ли право два смертные лишить Тита скипетра, которой боги и вселенная вручили его добродѣтелямъ? Весь міръ избралъ его Государемъ и утвердилъ его на престолѣ, моля боговъ о продолженіи жизни и владычества его! Хотя бы онъ и похититель былъ, но таковое единодушное желаніе утверждаетъ право его. Употребляетъ ли онъ власть свою? Тибръ имъ сталъ свободенъ; Римъ при Консулахъ своихъ больше былъ неволенъ; не Титъ царствуетъ, законы при немъ владычествуютъ; и подъ симъ щастливымъ игомъ всѣ подданные его Царями учинились. Единъ онъ въ сихъ мѣстахъ, рабъ престола своего, не наслаждается благополучіемъ, каковое изливаетъ на подданныхъ своихъ: онъ привелъ въ безопасность имѣнія и спокойствіе всѣхъ, принявъ на себя единаго старанія и труды.

Лен-

Лентулъ.

Коль легко на вышнемъ мѣстѣ прославиться можно! Щастливое предубѣжденіе все премѣняетъ, и того, который былъ послѣднѣйшимъ изъ смертныхъ, Римъ увидѣвъ на престолѣ, почитать будетъ. — Но наконецъ сердце твое, покоренное Титу, стремится къ добродѣтелямъ, которыми оно его украшаетъ; обожая его больше, чѣмъ любовницу, ей измѣняешь.

Секстъ.

Ахъ! я люблю Вителлію — и не могу ее ненавидѣть.

Лентулъ.

Секстъ! другіе Римляне, стремившіеся къ защитѣ ея, могутъ, какъ ты....

Секстъ (скоро.)

Да престанутъ они надѣяться! Секстъ все предпріемлетъ для полученія руки ея. (*Съ насмѣшкою*) Не ты, я мню, имѣешь таковое упованіе: твои намѣренія стремятся ко владычеству; я бы могъ въ тебѣ страшиться опаснаго соперника; но къ щастію моему судьба раздѣлила желанія наши.

Лентулъ.

Оставь сомнѣніе твое. — Но Титъ уже во градѣ. Я слышу гласъ ослѣпленнаго народа, возносящаго до небесъ своего Государя. Сей гласъ, свидѣтельствуя безразсудную любовь, вѣщаетъ возвращеніе новаго

Рим-

Римскаго избавителя. Анній къ тебѣ идетъ для принятія здѣсь сего Тита, толь обожаемаго; а я пойду пріуготовляться пустить на него громъ, ожидая перваго удара отъ руки твоей.

(Онъ выходитъ и Анній входящій его не видитъ.)

Секстъ (по выходѣ Лентула).

Съ какимъ чудовищемъ, великіе боги! злодѣйство меня соединяетъ? Но вотъ сей добродѣтельный другъ, видѣніе котораго меня въ трепетъ приводитъ! Колико страшусь я его добродѣтели! Увы! я не страшился его, когда подражалъ ему.

ЯВЛЕНІЕ III.

Анній, Секстъ.

Анній (скоро).

Дѣли трепетъ свой со мною, Секстъ; я вѣдаю, что Лентулъ злодѣйствуетъ, и имѣетъ соучастниковъ. Другъ мой! противъ Тита таковыя злоумышленія! Чѣмъ больше благодѣтеленъ онъ, тѣмъ больше они неблагодарны. Сколь легко обманываютъ они сего великодушнаго Героя! Однакожъ онъ, преисполненъ будучи добродѣтелями, не можетъ ни на кого подозрѣвать въ преступленіи, и судя по себѣ обо всѣхъ, онъ мнитъ

найти въ каждомъ то же, что въ себѣ имѣетъ; но измѣна проникаетъ. Другъ мой! постараемся познать и уничтожить сей ковъ ужасный; Римъ нынѣ дружбѣ нашей его вручаетъ. Кто во время его отсутствія управлялъ Римомъ, тотъ при возвращеніи его долженъ охранять его здравіе; его попеченія, стремящіяся единственно къ отечеству, непрестанно подвергаютъ опасностямъ жизнь его; намъ должно спасать ее, видя бѣдствіе, каковому Титъ подверженъ. Возбуди, другъ мой! дружбу въ угнѣтенномъ твоемъ сердцѣ, и прогони ею свои сокрытныя огорченія, отягчающія душу твою; забудемъ все теперь, и будемъ помнить только объ единомъ Титѣ.

Секстъ (со слезами).

Сіе-то звѣрское злоумышленіе, любезный Анній, снѣдаетъ сердце мое! Открой злодѣйство сіе и избавь отъ убійства вѣроломнѣйшаго изъ смертныхъ! —— Но Титъ идетъ. —— (*Тихо*) Небеса! О любовь, приводящая меня къ измѣнѣ! зри, возможно ли его ненавидѣть?

ЯВЛЕНІЕ IV.

Титъ, Секстъ, Анній,
Сенаторы, Воины.

(Титъ садится на престолъ, оба Консулы по сторонамъ его, Сенаторы по обѣимъ сторонамъ Театра, Воины позади.)

Анній.

Какое прелестное видѣніе является здѣсь! все показуетъ любовь, радость и благополучіе. О день наищастливѣйшій изъ щастливѣйшихъ дней нашихъ! Римъ отца своего, а Титъ дѣтей своихъ видитъ. Коль сладостна сія благополучная минута! Возчувствуй, о Государь! сколь велико наше щастіе теперь! коликихъ бѣдъ боги насъ избавили! и сколь премѣнна нынѣ судьба наша стала! Вообрази себѣ, въ какія горести отечество погружено было! Супруга, видя приближающуюся смерть къ супругу своему, позабывала объ немъ, а о тебѣ единомъ только слезы проливала; отцы укоряли небо, что продлило жизнь ихъ до пагубнаго дня, угрожающаго тебя смертію; а сыны ихъ, съ младенчества наученные усердствовать тебѣ, роптали, что не будутъ служить Титу. Всѣ терзалися непрестанно; печаль сія была безпримѣрна, повсюду слышанъ былъ только стонъ и рыданіе, страхъ и трепетъ наполняли всѣ мѣста. Римъ, по-

груженный въ слезахъ, пустъ тогда оставался; жители его, пребывая безъизходно въ храмахъ, приносили о тебѣ безсмертнымъ моленія, и колебали стѣны ихъ рыданіями своими. Казалось, что въ сіи страшныя минуты съ окончаніемъ твоимъ приближилось паденіе всего міра, и что всѣ подданные твои составляли только единую семью, въ слезахъ утопающую и въ отчаяніе погруженную, готовую слѣдовать во гробъ за отцемъ своимъ. О Римляне! возблагодаримъ боговъ, они услышали моленія наши, уступили намъ отца нашего, сего Героя, котораго ревновали съ собою имѣть. Они еще оставили его для щастія вселенной! Титъ составляетъ благополучіе всего міра; принесемъ къ безсмертнымъ моленія наши, да предастъ насъ милосердіе ихъ навсегда подъ владычество его! Кто всѣми толь любимъ, того жизнь должна быть безконечна!

Т и т ъ.

Народъ, рожденный для славы и чувствія! ябъ былъ неблагодаренъ, когдабъ любовь моя къ тебѣ несовершенна была! Увы! уже два мѣсяца, какъ отягченъ болѣзнями, страдалъ я, что не въ силахъ былъ для тебя ничего сдѣлать; трепеталъ, чтобъ смерть не скосила во младости дней моихъ, которые посвящены тебѣ. Не страшился я смерти, но единый страхъ, что не успѣю совершить

ща-

щастія вашего, терзалъ душу мою; вы единаго сердца, а я всѣхъ вашихъ лишался. Опасность моя явила царство мое надъ ними; къ умирающему Государю любовь не лицемѣрна. Сколь благодарю я тебя, о небо! что показало ты мнѣ права, которыя сей нѣжной народъ имѣетъ надъ Государемъ своимъ. Ты хотѣло, доказавъ мнѣ любовь его, явить мнѣ, что мало я еще стараюся о благополучіи его. До сего, ревнуя памяти Кесарей, заблуждался я, какъ они, по пути славы; младъ я любилъ войну и блестящіе труды оной, которые суть плоды Государей и удовольствіе Героевъ. Іорданъ, Дунай видѣли торжествующихъ орловъ вашихъ, украшенныхъ лаврами, окровавленными моими руками. Сіи пагубные подвиги я долженъ нынѣ привести благодѣяніями моими въ забвеніе. Поможетъ милосердое небо стараніямъ моимъ учинить множество щастливыхъ, и тѣмъ замѣнить дни, мною потерянные! Сенатъ! я требую твоего попеченія о народѣ моемъ, яви мнѣ желанія и нужды его, снабдите меня всѣ очами вашими, дабы я могъ все увидѣть и все узнать для благоденствія моихъ подданныхъ. Увы! въ толь обширномъ государствѣ возможно ли мнѣ единому все видѣть и все знать? О нѣжное человѣколюбіе! пріиди вспомоществовать мнѣ, познавать и

 пред-

предупреждать заблужденія самодержавной власти; содѣлай, чтобы подданные мои имѣли во мнѣ Государя таковаго, каковаго бы я имѣть желалъ надъ собою; тобою единымъ Герой бываетъ небесъ достойнымъ; и чѣмъ больше онъ человѣкъ, тѣмъ больше онъ богамъ уподобляется.

Анній.

Позволь, о Государь! чтобы во имя ихъ храмъ тебѣ воздвигли, и чтобы вселенная, обожая ихъ, въ тебѣ соорудила жертвенникъ той самой добродѣтели, которая отворила имъ небесныя врата. Уподобляяся безсмертнымъ побѣдитель свѣта и самаго себя (*указывая на злато и богатые дары, народомъ держимые*), пріими сіи знаки боготворенія отъ народа, тебя любящаго. Мы посвящаемъ . . . . . .

Титъ.

Нѣтъ, Анній, нѣтъ, Титъ не боготворенія, но любви желаетъ. Оставь сію суетную похвалу; я хочу быть ея достойнымъ, но не хочу ее слышать; изображай съ откровенностію усердію моему все то, что долженъ еще я дѣлать, и забыть о томъ, что я сдѣлалъ (*къ Сенату*). Я пріемлю сокровища, народомъ моимъ мнѣ приносимыя; но, Римляне! позвольте, чтобъ я расположилъ ихъ по своему желанію. Я хочу почтить ихъ достойнѣйшимъ употребленіемъ, и

и увѣренъ, что сердца ваши согласятся съ моимъ намѣреніемъ. Вы страждете еще, какъ и я, отъ бѣдъ отечества. Воспаленная Везувія Италію погубляетъ, и изрыгающимъ изъ себя огнемъ пожираетъ плодоносныя поля наши; гладъ уже за симъ бѣдствіемъ слѣдуетъ; колико бѣдныхъ простираютъ ко мнѣ трепещущія руки свои! Изтощимъ на нихъ сокровища сіи, небомъ для нихъ сотворенныя; сіи дары изобилія принадлежатъ нещастнымъ, а я желаю только единой любви отъ человѣковъ, сего единаго знака божества, которой творитъ Государей богамъ подобными, и которой они со славою приносятъ къ стопамъ безсмертныхъ. Я желаю, чтобъ Римъ былъ храмъ мой, а сердца ваши жертвенники мои. Подите и оставьте меня съ Секстомъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Титъ, Секстъ.

Титъ.

Пріиди въ объятія мои, другъ мой! раздѣли со мною восторгъ мой. Боги! какое чувствительное удовольствіе! Какая сладостная радость видѣть всю вселенную щастливую благополучіемъ моимъ! Душа моя восхищается симъ прелестнымъ воображеніемъ. -- Свѣтъ въ радости, и я единъ виновникъ радости его! повсюду на меня веселые взоры обращаетъ, и число

друзей моихъ равняется числу моихъ подданныхъ безъ лести; я съ радостію могу сказать, что нѣтъ ни единаго изъ смертныхъ въ семъ обширномъ государствѣ, кто бы, естьлибы онъ могъ сто разъ умереть и возродиться, не пожертвовалъ мнѣ послѣднимъ своимъ издыханіемъ.

Но что я вижу? Секстъ! ты вздыхаешь! —— Все согласуется съ желаніями моими, а ты не дѣлишь со мною радости моея? Какъ? всегда погруженъ въ огорченіи, возвращеніе мое не разогнало ни на единую минуту печали твоей! Тщетно при отъѣздѣ моемъ дружба моя старалася разорвать твое молчаніе. Жестокой! ты видѣлъ, колико я страдалъ, что больше не имѣю участія въ мученіяхъ сердца твоего, и Титъ, бывъ при двери гроба, терзался воображеніемъ, что не онымъ —— Секстъ будетъ проливать слезы. Когда я благодарю боговъ, что они для тебя возвратили мнѣ жизнь; и какъ въ сей день благословенный все радостію для меня движется, тогда ты единый отягченъ печалію! Надежда моя тщетно меня ласкала; я мнилъ, что въ объятіяхъ моихъ мученіе твое окончится! Но почто скрываешь ты причину огорченія твоего отъ дружбы моей? Мнишь ли ты, Секстъ, чтобъ я меньше вѣренъ былъ, чѣмъ ты. Въ величіи моемъ я еще могу найти услажденіе огорченнымъ и отереть слезы

лю-

любимыхъ мною. Лишило ли небо меня способовъ вспомоществовать единому только нещастному другу моему? Говори, не принуждай свое чувствительное сердце. А естьли бѣдствія твои толь велики, что со всемъ моимъ могуществомъ я не могу разрушить ихъ: познай, что дружба, дѣля ихъ съ тобою, можетъ тебя избавить половины оныхъ. Что значатъ сіи рыданія, сіи взоры, страхомъ преисполненные? Почто брать руки мои и омочать ихъ слезами твоими?

Секстъ.

Ахъ! естьли бы я пролилъ рѣки слезъ предъ тобою, и тогда бы тѣмъ извинительны! Милосердіе твое, еще ихъ увеличивая, совершаетъ отчаяніе неблагодарнаго, которой себя ненавидитъ. Сердце мое терзается несказанно, и каждое слово твое его уязвляетъ.

Титъ.

Что говоришь ты? Горесть твоя чрезмѣрна; естьли виненъ ты противъ дружбы, знай, что дружба все забываетъ, когда видитъ раскаяніе. Но признайся, что не то тебя терзаетъ, Секстъ: сердце твое страждетъ отъ несклоннаго предмета.

Секстъ.

Увы!

Титъ.

Такъ, любовь творитъ мученіе твое; я знаю слезы, отъ нея изтекающія. Другъ мой! я также, какъ ты, страдалъ. Ты видалъ во мнѣ то же огорченіе, то же безпрестанное мученіе; я былъ нечувствителенъ къ щастію царствовать, и даже къ толикимъ сердцамъ усердіемъ и любовію ко мнѣ привлекаемыхъ. Но Секстъ однако же долженъ признаться, что иногда при немъ я забывалъ Берениду, или по крайней мѣрѣ, находя въ тебѣ друга моего, съ тобою не чувствовалъ я всей жестокости судьбы моея, и отиралъ слезы мои. Потщимся теперь усладить горесть твою; можетъ быть надъ несклонною красотою, которая воспламенила въ тебѣ любовный огнь, честолюбіе имѣть будетъ больше власти, и преклонитъ къ тебѣ душу ея. Будь по мнѣ первый на земли; а естьлибъ братъ мой не имѣлъ права имѣть предъ всѣми предпочтеніе, съ тобоюбъ раздѣлилъ я лавръ Кесарей; но безъ сихъ тщеславныхъ преимуществъ дѣли со мною величіе мое, и подъ названіемъ Консула будь Императоръ. Меня ожидаютъ, но скоро возвращуся къ тебѣ, и хочу, чтобъ щастіе твое утѣшило меня, и чтобъ всѣ мои огорченія, любовію мнѣ содѣланныя, твоимъ благополучіемъ разрушены были.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Секстъ (одинъ).

А я еще съ стыда и съ горести не умираю! Какъ? угрызѣнія совѣсти моея влекуть меня къ добродѣтели, а любовь ихъ превозмогаетъ? Титъ единымъ названіемъ любви вдругъ отвратилъ намѣреніе мое открыть ему сію ужасную тайну. Ахъ! сколь терзаетъ онъ меня своимъ несравненнымъ милосердіемъ! Какое великодушіе! какая безпримѣрная добродѣтель! Титъ! ты соединяешь въ себѣ единомъ отличающіе знаки всѣхъ боговъ; сердце твое небеса въ восторгъ приводитъ. А я, адское чудовище! я соединяю въ жестокой душѣ моей всѣ злѣйшія фуріи тартара! Измѣнникъ, вѣроломной, неблагодарной, коварной убійца. — Я самый гнуснѣйшій изъ злодѣевъ. Колико я самъ себя ненавижу! я мерзокъ самъ себѣ! — Изторгнемъ душу мою изъ сей пропасти ужасной, откроемъ все Кесарю. — Какая благополучная мысль представляется мнѣ для открытія, — не измѣняя той, кою какъ душу люблю! Праведное небо! благодарю тебя, ты мнѣ мысль сію вдохнуло, ты само печешься о Героѣ, тебѣ возлюбленномъ. Колико различныхъ участей мысль сія сообщаетъ! Я спасу Тита, не погубя *Вителлію*.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Титъ, Анній.

Анній.

Такъ, Государь! Сенатъ, дѣля со мною страхъ мой, поручилъ Сексту и мнѣ храненіе здравія твоего. Сіи нощныя подземныя тайныя сонмищи, которыя каждой день явнѣе становятся, злоумышленіе предвозвѣщаютъ, усиливаніе коего. . . .

Титъ.

Ахъ, другъ мой! какую причину подалъ я кому къ желанію смерти моей? Нѣтъ, я не могу сему вѣрить; лишнее усердіе тебя заблуждаетъ.

Анній.

Великая душа твоя никогда подозрѣнія не пріемлетъ. Но естьли бы ты не вѣрилъ словамъ моимъ, штобъ я всегда былъ безопасенъ, Титъ, въ жизни твоей. Вѣрь мнѣ, Государь! есть много таковыхъ низкихъ душъ, сихъ презрительныхъ сердецъ, подлостію и гордостію вдругъ преисполненныхъ,

ныхъ, которыя въ тайнѣ терзаемы общественнымъ благополучіемъ, ненавидятъ благодѣянія, ихъ обременяющія, и въ тихіе дни желаютъ бурь, надѣясь обогатиться остатками отъ погубленныхъ. Есть много таковыхъ чудовищъ, возрожденныхъ неблагодарностію и ненаказаніемъ, которыхъ твое безмѣрное милосердіе къ пущимъ злодѣйствамъ поощряетъ.

Титъ.

Такъ должно ли наказывать всѣхъ виновныхъ? Чѣмъ больше казни, тѣмъ меньше она устрашаетъ. Вѣрь мнѣ, Анній, опасно явить смертнымъ, колико есть въ свѣтѣ преступниковъ; число служитъ примѣромъ, а можетъ быть и извиненіемъ; чѣмъ меньше видятъ злыхъ, тѣмъ меньше дерзаютъ быть таковыми.

Анній (съ горячностію).

Естьли злодѣю свободу оставляютъ, то симъ добродѣтели соблазняются. Ахъ! почто Лентула изъ ссылки возвращать? сего свирѣпаго Лентула, который младъ еще бывъ, но уже съ яростію приступалъ къ злодѣйству.

Титъ.

А естьли онъ былъ младъ, то лѣта извиняютъ.

Ан-

Анній.

Но съ возвращенія злыя намѣренія его разсѣяли противъ тебя великіе порицательные слухи, и противъ мудрыхъ твоихъ узаконеній изрыгая ложь. . . .

Титъ.

Что можетъ сдѣлать пустой слухъ и безразсудное роптаніе? А естьли Римъ почитаетъ гласъ его справедливымъ, то долженъ я исправить заблужденіе мое; когда же Римъ его осуждаетъ, то не можетъ онъ уязвить меня. Анній! сей неблагодарной пріуготовляетъ мнѣ новую славу: великими благодѣяніями я учиню его вѣрнымъ.

Анній.

Ты всегда находишь, Государь, тысячу причинъ для прощенія, а ни единой, когда осуждать должно. Ябъ желалъ въ тебѣ видѣть душу, къ порокамъ меньше человѣколюбивую; строгость ихъ воздерживаетъ.

Титъ.

Милосердіе ихъ исправляетъ, непоколебимая твердость твоя обращаетъ въ свирѣпство добродѣтель твою, и сей единой порокъ, Анній, въ тебѣ познаваю. Но перестанемъ говорить о семъ; другая мысль безпокоитъ душу мою. Я нынѣ долженъ исполнить желаніе народа моего; зрю все то, что предполагаетъ любовь его моей любви; прі-

пріемлю новыя узы, коими онЪ меня связуетЪ, наградою себѢ за мои благодѢянія, и ставлю долгомЪ благодарности моея исполненіе желанія его. О семЪ долгѢ, толь священномЪ, я долго мыслилЪ, и вотЪ намѢреніе мое, предписуемое мнѢ сердцемЪ моимЪ. Что государство пріобрѢло отЪ отлученія Берениды? Я симЪ не совсѢмЪ исполнилЪ сію праведную жертву; еще мнятЪ, что сожалѢнія мои ей хранятЪ руку мою. МнѢніе сіе пребудетЪ до того времени, пока не учиню я достойнымЪ образомЪ Римлянина. СверьхЪ сего — мучительное признаніе! — ты знаешь, какого я брата имѢю: онЪ творитЪ горчайшую скорбь мою. О РимЪ! сего ли жестокаго любовь моя должна оставить властителемЪ надЪ сынами твоими! КакЪ! всѢ мои труды единое только произведутЪ тебѢ огорченіе видѢть ихЪ уничтоженными! увы! я близко видѢлЪ сіе пагубное предзнаменованіе; при дверяхЪ гроба бѢдствія твои меня вЪ трепетЪ приводили. Я зрѢлЪ неизбѢжное паденіе государства горестнымЪ слѢдствіемЪ кончины моея. Жестокое предвидѢніе! МнилЪ, что поздно уже о семЪ проливалЪ слезы; но милосердое небо жизнь мнѢ возвратило, показавЪ мнѢ тѢмЪ долгЪ мой предупредить сіе нещастіе вселенной.

Анній.

Ахъ! сами боги, я увѣренъ, вдохнули тебѣ мысль сію, которая составляетъ всю надежду и щастіе подданныхъ твоихъ. Но, Государь! подобные тебѣ никогда не имѣютъ нужды въ совѣтахъ о должности своей; и не ожидая гласа искренной дружбы, сердце ихъ, бывъ имъ строгимъ судіею, имъ возвѣщаетъ. Всѣ желанія подданныхъ твоихъ ты нынѣ совершилъ, единой только бракъ твой они видѣть желаютъ, и щастливый міръ молитъ только безсмертныхъ о безконечномъ продолженіи владычества твоего въ потомствѣ.

Титъ.

Но скажи мнѣ, Анній, и успокой колеблющійся духъ мой, кому общественной гласъ опредѣляетъ руку мою; я готовъ исполнить то, что Римъ повелѣваетъ.

Анній.

Почтеніе его въ молчаніи ожидаетъ выбора твоего: кого наречетъ Титъ супругою себѣ, та будетъ общественное согласіе. Позволь, о Государь! чтобъ въ восторгѣ моемъ я возвѣстилъ сему вѣрному народу успѣхъ желаній его.

ЯВЛЕНІЕ II.

Т и т ъ (одинъ).

Рабъ, украшенной Царскою одеждою! рука твоя не будетъ даромъ сердца твоего; ты въ ней не властенъ, она престолу принадлежитъ. ---- Скипетръ повелѣваетъ тѣмъ самимъ, кто даетъ его. Но потщимся бракомъ моимъ воздержать всѣхъ тѣхъ, мысль которыхъ всегда готова къ возмущенію. (*Воинамъ, которые стоятъ при дверяхъ.*) Лентула призовите. ---- Изкоренимъ сіи кровожаждущія. Я чту Вителлію; ей престолъ принадлежитъ; она привлечетъ ко мнѣ сіи свирѣпыя сердца, противъ меня возстающія. Сколь дорого мнѣ сіе стоитъ! ---- О вздохъ, недостойной славы моея! колико помрачаетъ онъ въ моихъ взорахъ блистаніе побѣды моея! Нещастной! сіи минуты, въ сожалѣніи провожденныя, суть тѣ еще, которыхъ лишаешь ты подданныхъ своихъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Титъ, Лентулъ.

Лентулъ (тихо).

Почто призвалъ онъ меня? Мщеніе мое можетъ быть открыто стало; но сей кинжалъ

жалъ исполнитъ все, или жизнь моя дорого стоить будетъ.

(Онъ, говоря сіе, являетъ сокрытой въ одеждѣ его кинжалъ.)

Титъ.

Уже давно, Лентулъ, жестокой раздоръ посѣялъ ядъ между нашими домами. И хотя Веспасіанъ по избранію народа своего имѣлъ справедливѣйшее право взойти на Кесаревъ престолъ, и соболѣзнуя о нещастіяхъ Вителліи, со мною прекратилъ онъ нещастія дочери его: но тщетно останется мое упованіе утушить наслѣдственную злобу, которая при взорахъ моихъ наибольше ожесточается, естьли сладостной бракъ, единый могущій изкоренить ее, не соединитъ всѣ раздѣленныя наши права. Потребно, чтобы кровь наша, теченіе которой въ насъ совокуплено будетъ, навсегда отвѣтствовала мнѣ за кровь отечества, и ограждала бы священнѣйшимъ узломъ отъ опасностей дни подданныхъ моихъ, за коихъ богамъ я долженъ отвѣтствовать. Сіе соединеніе мнѣ тѣмъ любезнѣе, что, приводя въ забвеніе нещастіе твое, оно, возводя на первое твое мѣсто, приближаетъ тебя къ престолу. Вителлія будетъ мнѣ супруга; а ты, ставъ свойственникомъ Титу, будь увѣренъ въ моей дружбѣ, и будь Преторъ.

Лен-

Лентулъ (тихо).

Что слышу я?

Титъ.

Ты знаешь, что постоянная дружба моя, по смерти сестры моей, въ Вителліи мнила ее видѣть; теперь, я думаю, тебѣ единому принадлежитъ отличная должность вручить ее вѣрности моей. Сердце мое уже превозмогло себя, и рука моя въ томъ отвѣтствуетъ. Поди, увѣрь Вителлію, что бракъ сей содѣлываетъ щастіе вселенной, и что сердце мое всегда непремѣнно будетъ.

Лентулъ (тихо).

Естьли для отвращенія и неожиданнаго мною сего удара, которой разрушаетъ всѣ намѣренія мои. . . . .

Титъ.

Но что я зрю? ты отвращаешь отъ меня твои смущенные взоры; я мнилъ видѣть на лицѣ твоемъ радость и восхищеніе, а оно являетъ мнѣ горесть и отчаяніе!

Лентулъ.

Не раздражу ли я Государя моего дерзостію моею? . . . . . .

Титъ

Говори, ты долженъ Государю твоему вѣщать истинну.

Лентулъ.

Ахъ! можетъ быть искренность моя содѣлаетъ. . . . .

Титъ.

Твое щастіе.

Лентулъ.

Страхъ, почтеніе. . . . . . .

Титъ.

И наименованіе ихъ мнѣ досаждаетъ. Щастливъ Государь, которой почитаемъ; нещастливъ тотъ, котораго только что страшатся.

Лентулъ.

Единый ты, о Государь! можешь требовать признанія сего. Кто другой достоинъ оное слышать? Твои добродѣтели противъ воли моей меня къ тому принуждаютъ: онѣ увѣряютъ меня, что прошеніе мое не будетъ предъ тобою безполезно.

Титъ.

Говори.

Лентулъ.

Когда скипетръ былъ въ родѣ моемъ, тогда щастливый Вителлій назначилъ меня супругомъ быть дочери своей; онъ самъ составилъ первое согласіе сердецъ нашихъ, а лѣта съ нещастіемъ утвердили узы наши. Я вмѣстѣ былъ въ Вителліею въ ссылкѣ, гдѣ склонность наша другъ къ другу безпрепятственно являлась, и разлученіе наше не лишило меня нѣжности ея, уповая, что щастливой бракъ увѣнчаетъ любовь нашу. Ея стараніями я возвращенъ въ Римъ; но я познаю нынѣ

нынѣ должность мою, и со злѣйшимъ мученіемъ, увы! уступаю року моему. Присутствіе твое, Государь, показуетъ мнѣ долгъ мой, и примѣръ, тобою подаваемой, научаетъ, что любовь, сей толь ужасной и толь любезной непріятель, никогда непреоборимымъ быть не можетъ. Превозмогу сердце мое, и признаюсь, что долженъ сею великою жертвою любовницѣ моей; слава ея повелѣваетъ мнѣ сіе. . . . Пусть она душу свою покаряетъ благу вселенной. И какъ ни драгоцѣнны ей узы наши, да презритъ она ихъ для общаго щастія. Нещастной! тебѣ ли удобно возмущать сіе прекрасное соединеніе? Потуши пламя твое, которое теперь творитъ тебя преступникомъ. Но ахъ! должно ли мнѣ было открывать тайну сію? . . . . Я повиновался повелѣнію твоему. Въ послѣднія прошу тебя, позволь мнѣ удалиться, Государь, избавь симъ меня нещастія укорять себя въ дерзости моей.

Титъ.

Постой! . . . . Вителлія тебя любитъ? . . . . ахъ! естьли бы я и страстенъ ею былъ, принудилъ ли бы я желанія ея? Нѣтъ, будь увѣренъ, что я хочу лучше самъ терзаться, чѣмъ быть причиною мученія другихъ. Я самъ вручу ее любви твоей. Но скроемъ отъ всѣхъ заблужденіе намѣренія моего; изберемъ себѣ другую супругу, и сокроемъ отъ нее, что Вителлія на-

 вна-

значена была уже прежде ее. А ты не мни совершить бракомъ симъ твои намѣренія, стремящіяся къ измѣнѣ.

Лентулъ.

Къ измѣнѣ! я, Государь? чтобъ толь злодѣйская мысль. . . . .

Титъ.

Естьли подозрѣніе справедливо, ты видишь, что я уже о семъ извѣстенъ. Можетъ быть оно сокрылось бы отъ взора моего; человѣкъ и Государь, увы! я долженъ быть обманутъ. Но знай, что вѣрные друзья мои всѣ поступки твои примѣчаютъ, и наконецъ я все познаю. Не будь еще вѣроломенъ новымъ милостямъ моимъ: я хочу тебя предупредить отъ правосудной моей строгости. Ты знаешь, колико разъ я тебя прощалъ! Но наконецъ, подражая богамъ въ медлительномъ мщеніи, я также, какъ они, поражу злодѣя, измѣняющаго милосердію моему; ни милость, ни строгость моя не могутъ быть несовершенны. Избирай во мнѣ себѣ судію, или друга.

Лентулъ.

По толикихъ благодѣяніяхъ чтобы я. . . . .

Титъ.

Добродѣтелію должно являть благодарность свою. Оставь меня.

Лентуль (тихо выходя).

Возпользуемся пагубнымъ его намѣренiемъ; пусть Секстъ въ немъ мнитъ умертвить соперника своего. Онъ идетъ. Пойдемъ ожидать его.

(*Онъ выходитъ въ противную сторону той, въ которую видитъ Секста входящаго.*)

ЯВЛЕНIЕ IV.

Титъ Секстъ.

Секстъ (тихо войдя).

При брегахъ пропасти, небо, просвѣти Тита, вспомоществуй хитрости моей!

Титъ.

Секстъ! прiиди. . . . Но что я вижу? ты блѣденъ, трепещешь предо мною; конечно Аннiй вложилъ въ тебя страхъ свой. Такъ, дружба твоя ко мнѣ творитъ мученiя твои. Но почто страшиться заговору, котораго стараются открыть источникъ. Признаюсь, что съ трудомъ еще мысль моя прiемлетъ таковое подозрѣнiе. Оно есть ядъ престола, и жестокое заблужденiе его часто милосерднѣйшаго Государя преображаетъ въ злѣйшаго мучителя. Душа моя, всегда мысливъ о щастiи твоемъ, хочетъ, чтобы Фулвiя сестра твоя. . . .

ЯВЛЕНІЕ V.

Тимъ, Секстъ, Воинъ.

Воинъ (Титу).

Одинъ невольникъ бѣжавъ, бросилъ предо мною письмо сіе, которое я почелъ, Государь, нужнымъ тебѣ вручить.

Титъ (взявъ письмо, давъ знакъ рукою вытти Воину, отдаетъ оное Сексту).

Разверни и читай!

Секстъ (тихо).

Я трепещу. . . . . Увы! лице мое, гласъ мой, все откроетъ измѣну и тайну мою

(Читаетъ.)

„Тебѣ измѣняютъ, Титъ, и смерть скоро можетъ быть тебя постигнетъ; я самъ клялся быть вѣрнымъ въ злодѣйскомъ заговорѣ противъ жизни твоея. Въ нощь сію огнь, воспаленной въ Капитоліи, назначитъ окончаніе дней твоихъ. Собою ты влечешь къ погибели твой возлюбленной народъ. Остерегайся, будь вездѣ безпрестанно окружаемъ Воинами твоими, и въ самыхъ чертогахъ твоихъ страшись любезнѣйшихъ друвей твоихъ.

(*Онъ отдаетъ письмо Титу. Глаза ихъ встрѣчаются, и Секстъ тотчасъ ихъ опускаетъ на землю.*)

Титъ

Титъ (посмотрѣвъ на письмо).

Что слышу я? И такъ сіе правда! противъ меня возстаютъ! Меня хотятъ лишить и жизни и царства! Пролитія крови моей желаютъ. . . . Увы! всѣ мои мысли единственно стремятся только къ тому, чтобы сохранить живнь и послѣднѣйшему изъ человѣковъ! Ахъ! кто таковые, великіе боги! сіи вѣроломные, которыхъ я толь люблю? Кого подозрѣвать я долженъ?

Секстъ.

Всѣхъ. . . . . и меня самаго.

Титъ.

Что говоришь ты? чтобъ каждой смертной мнѣ подозрителенъ былъ? (нѣжно) Мнѣ должно, Секстъ, страшиться и твоего присутствія? Мнишь ли ты, чтобы послѣ сего мнѣ жизнь пріятна была? Нѣтъ, естьли я друга больше не имѣю, пошли мнѣ смерть, о небо! я въ знакъ твоего милосердія ее пріемлю. Но естьли я друзей еще имѣю, чѣмъ я себя и ласкаю, и ими окруженъ, мнѣ нечего страшиться.

Секстъ.

Всегда ли они во внутренности таковы, Государь, каковыми кажутся быть? Названіе друга часто измѣнника сокрываетъ.

Титъ.

Конечно не всѣ они имѣютъ твое усердіе и правоту твою; я бы могъ обмануться

въ выборѣ ихъ. . . . (*отдавъ ему письмо*) Пріими сіи горестныя предвозвѣщанія, примѣчай за Лентуломъ; вели сыскать невольника, пусть наречетъ онъ сообщниковъ своихъ; а я сенату возвѣщу сіи жестокія увѣдомленія, да вспомоществуетъ онъ тебѣ отыскать сихъ мерзскихъ преступниковъ. Кто бы они таковы ни были, я буду слѣдовать строгимъ должностямъ моимъ, и плакавъ о злодѣяхъ, накажу злодѣйство. А ты, принявъ на себя храненіе жизни моея, остерегайся съ Анніемъ сея общія опасности: вѣрь мнѣ, что тѣ же самые изверги, которые жаждутъ крови моей, и тебя восхотятъ лишить жизни. Я страшусь о тебѣ только единомъ въ опасности, которой вижу себя подвергнутымъ. Для себя ли единаго люблю я и престолъ и дни мои? И естьли бы кто больше меня усерденъ былъ къ отечеству моему: тому бы, узнавъ его, самъ вручилъ скипетръ, которому мнѣ завидуютъ. Великіе боги! сохраните мнѣ жизнь мою только до того времени, какъ исполню я мои намѣренія для подданныхъ моихъ; да совершу и утвержду я ихъ благоденствіе, а послѣ пусть умертвятъ меня.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Секстъ (одинъ).

Не предостерегая себя отъ жребія, каковой ему опредѣляютъ, онъ самъ подвергается подъ остріе меча вѣроломнѣйшаго, вооруженнаго для пагубы его. Ахъ! можетъли онъ подозрѣвать въ семъ мерзскомъ намѣреніи того друга, котораго онъ самъ научалъ добродѣтели? Возможно ли удивляться его чрезмѣрному ослѣпленію, когда я самъ не вѣрилъ тому, что предпринимаю толь лютое злодѣйство учинить? Постараемся избавиться сего — и страхомъ по крайней мѣрѣ смягчимъ ненависть Вителліи.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Вителлія, Секстъ.

Вителлія.

Что значитъ сей мрачной зракъ, меня устрашающій? Ты всегда меня оставляешь, преисполненъ усердіемъ и неустрашимостію; а когда являешься взорамъ моимъ, тогда лице твое являетъ мнѣ страхъ и нерѣшимость, и единая колеблющаяся ярость въ глазахъ твоихъ пребываетъ. Какъ? въ сей самой великой день, назначенной для мще-

нія

нія моего, по толикихъ клятвахъ, я зрю въ тебѣ торопливость и трепетъ?

Секстъ.

Такъ, лице мое измѣняетъ сердцу моему. Титово возвращеніе обезоруживаетъ руку мою; въ глазахъ твоихъ я нашелъ источникъ злодѣйства моего, а несравненная душа его возвращаетъ къ добродѣтели. Въ тебѣ я зрю непрестанно новыя прелести, жестокая власть которыхъ влечетъ меня къ убійству; а въ немъ безпрестанно я нахожу новыя добродѣтели, которыя отъ брега бездны спасаютъ меня. Я клялся тебѣ, прельщенъ твоею красотою; но прежде я ему клялся, обремененъ его благодѣяніями. — Непрестанно душа моя стремится къ добродѣтели и къ злодѣйству. Естьли я тебя лишуся, увы! я жизнь теряю; а естьли для полученія тебя престола его лишу, и естьли бракъ нашъ обагренъ будетъ повсечасно ядомъ дней моихъ и. . — Но глаза твои уже гнѣвъ являютъ!

Вителлія.

Нѣтъ, единаго презрѣнія ты достоинъ.

Секстъ.

Ахъ! я достоинъ былъ его, когда постыдная ярость моя безъ трепета взирала на мерзское обѣщаніе мое. Удаленный отъ пагубной минуты и отъ жертвы моей, не воображалъ я себѣ всего того, чего

зло-

злодѣйство стоитъ; но увидя сего несравненнаго Героя въ торжествѣ въ объятіяхъ вѣрнаго своего народа; увидя сіи радостные восторги и сіе сладостное восхищеніе, являющееся безъ притворства во взорахъ всѣхъ его подданныхъ, старающихся обратить на себя глаза его, которые безъ выбора съ милосердіемъ и съ любовію равно на каждаго обращаются; услыша гласъ ихъ, произходящій къ нему отъ глубины сердечной и изъявляющій ему любовь и благодарность: тогда объемлемъ симъ прелестнымъ позорищемъ, и возчувствовавъ его добродѣтели, благоденствіе толикихъ народовъ отъ него произходящее, милости и благодѣянія его ко мнѣ, почувствовалъ тогда и всю мерзость обѣщанія и звѣрскаго намѣренія моего; тогда угрызѣнія востерзали душу мою и усердіе мое воспалилось въ сердцѣ моемъ къ другу моему . . . . Тыбъ сама въ сію минуту . . . . раскаялась и обратилась бы къ нему съ любовію.

Вителлія.

Другъ мучителя моего! съ какою дерзостію пришелъ ты при мнѣ выхвалять его! Добродѣтель его не можетъ превозмочь должности моей; онъ сынъ Веспасіана, сего для меня довольно: судьба содѣлала вину его, а рожденіе его содѣлываетъ преступленіе его. Когда бы рожденъ онъ былъ отъ другаго отца;

ца, тогда бы имѣлъ онъ вѣрность и почтеніе мое. Онъ возшелъ на престолъ родителя моего, и воспользовавшись злодѣйствомъ отца своего, учинился самъ предо мною злодѣемъ. Не мни, чтобъ я могла, презрѣвъ ту кровь, отъ которой рождена, отдать руку и сердце мое тому, кто другъ Титу. Я оплакиваю родителя моего, увы! котораго повсечасно вижу умерщвленнымъ, а ты хочешь быть сыномъ его и страшишься отмстить за него? Ты почитаешь себя лютѣйшимъ звѣремъ, естьли возложишь на главу свою корону его, и имя похитителя тебя удивляетъ и устрашаетъ. Ахъ! воспомни, колико таковыхъ вселенная почла богами, и колико похитителей престола преселила она въ жилище безсмертныхъ; и тотъ самъ, котораго сами боги Царемъ надъ собою поставили, вздѣлъ на главу свою діадиму отца своего. А ты, когда рука моя возводитъ тебя на вышнюю степень, ты чтишь скипетръ, обагренный моею кровію, и преполагаешь мнѣ права благодарности тогда, когда я тебя вооружаю правами рожденія моего! Да будетъ такъ! Но естьли твоя должность различна съ моею, то и судьба наша не можетъ больше соединена быть. Прости, я возвращаю тебѣ клятвы твои, и безъ труда найду сердца, добродѣтель которыхъ согласна съ моею добродѣтелію. (Хочетъ выйти.)

Секстъ

Секстъ (остановя ее).

Постой, нѣтъ больше времени. . . Тайными увѣдомленіями Императоръ уже извѣстенъ о нашихъ кровожаждущихъ намѣреніяхъ. Будемъ достойны милосердія его. Онъ, увѣдомивъ о семъ Сенатъ, вручилъ мнѣ сіе пагубное письмо. Прочти!

(*Увидя ее хотящею вытти по прочтеніи письма.*)

Что намѣрена ты въ сей жестокой опасности?

Вителлія (обратясь съ хладнымъ бѣшенствомъ).

Отдать сіе Лентулу и увѣрить его въ моей вѣрности.

Секстъ (вырвавъ у нее письмо).

Постой — О мстительное небо! лютѣйшая ревность! ты раздираешь мое звѣрское сердце! Жестокая! не мни, чтобы соперникъ мой — Я всемъ пожертвую въ моей безмѣрной ярости. Такъ, твои угрозы просвѣтили бѣшенство мое. Колико крови прольется! — Трепещи отъ ужастей, тобою творимыхъ. Прости!

Вителлія.

Постой — Ахъ! я страшусь, онъ всѣхъ насъ погубитъ. . . . .

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Вителлія, Туллія.

Туллія (вбѣжавъ).

Все для тебя премѣнилось. Поди за мною, Титъ скоро придетъ въ чертоги твои. Весь дворъ гласитъ, и съ удовольствіемъ повсюду разносится слухъ сей, что завтра объявится бракъ его, и что въ сію минуту принесетъ онъ къ стопамъ твоимъ — корону и сердце свое, и наречетъ тебя супругою своею.

Вителлія.

Меня? великіе боги! Секстъ! — Туллія! бѣги, останови его.

Туллія (уходитъ).

Что сдѣлала я? слава, любовь — Преблагополучная Вителлія! Дражайшій Титъ! супруга твоя тебя умертвить хотѣла. Ахъ! страсть нѣжная содѣлала его преступленіе; она теперь и защититъ вину его.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Секстъ (одинъ).

Гдѣ Лентулъ? куда дѣвался сей вѣроломной? Отдайте, боги справедливые! его моему неутолимому мщенію. Жестокая Вителлія! не тщетно угрожала ты соперникомъ твоего нещастнаго любовника! Нѣтъ, ты лучше явила мнѣ, чью кровь я пролить долженъ. Вмѣсто сего Героя, сего толь нѣжнаго друга, свирѣпаго Лентула я предамъ смерти, и оставивъ его умирающаго, открою все Титу.

ЯВЛЕНІЕ II.

Секстъ, Лентулъ, Адріанъ.

Лентулъ (внутри Театра).

Пойдемъ, симъ ложнымъ бракомъ возбудимъ ревность его; минута настала.

 (Сексту,

(Сексту, которой уже съ бѣшенствомъ приближался къ нему.)

Ты почиталъ меня своимъ соперникомъ, Секстъ; но есть другой для тебя опаснѣе: завтра самъ Императоръ наречетъ Вителлію себѣ супругою.

Секстъ (съ удивленіемъ).

Титъ!

Лентулъ (скоро).

Ты знаешь, что Анній по повелѣнію его разглашаетъ, что въ угодность Римлянамъ пріемлетъ онъ на себя узы брака, и въ супругу себѣ избираетъ Вителлію, которой мнѣ препоручилъ, какъ ближнему ея свойственнику и вѣрному другу своему, теперь возвѣстить ей сіе странное его намѣреніе.

Секстъ (со страхомъ).

Учинилъ ли ты сіе?

Лентулъ.

Нѣтъ, и не исполню сея на меня отъ него возложенныя должности; сердце Вителліи мнѣ извѣстно: престолъ, а не любовь богомъ она почитаетъ. Будь увѣренъ, что съ радостнымъ бы восторгомъ приняла она руку Тита и отложила бы невѣрную надежду убивства, препорученнаго твоей трепещущей рукѣ.

Секстъ.

Секстъ.

Ахъ! я больше не страшуся, я хочу при взорахъ ея — Какъ! Титъ мнѣ соперникъ? Онъ ее любитъ? Онъ возлагаетъ Цесарскій вѣнецъ на главу ея?

Лентулъ.

Онъ ее обожаетъ. Другъ мой! не сомнѣвайся о семъ; вспомни, какъ прежде онъ выхвалялъ намъ ея прелести, ея добродѣтели.

Секстъ.

Онъ много разъ увѣрялъ меня, что естьли бы не зналъ онъ Береники, тобъ сердце его избрало Вителлію.

Лентулъ.

Познай все. Я предпринялъ извѣстить его о любви твоей, и ложно возвѣщалъ ему о взаимной къ тебѣ ея нѣжности; я мнилъ, что, познавъ сіе сей другъ, котораго ты толь вѣрнымъ почитаешь, не пожертвуетъ тобою своей новой страсти; но тщетно было то. Все, сказалъ онъ, должно подражать мнѣ. Когда я себя превозмогъ, то и Секстъ можетъ потушить пламя свое; на бракѣ семъ спокойствіе государства утверждается, и польза единаго должна уступить пользѣ цѣлаго свѣта.

Секстъ (съ горестію).

Мучитель! я вижу теперь ясно — Вотъ сей Герой, преоборающій любовь! Со стыдомъ удивлялся я толь невозможной побѣдѣ. Но теперь вижу, что когда любовь совершенна, тогда она непреоборима. Единую только минуту Беренида обладала симъ слабымъ сердцемъ, которое съ пущимъ пламенемъ обращается къ первому своему предмету. Но что я удивляюся? Кто можетъ возпротивиться толикимъ прелестямъ? — Гдѣ онъ?

Лентулъ.

Онъ ожидаетъ возвращенія моего, совсѣмъ готовый итти къ Вителліи увѣрять ее въ любви своей. Не медли больше, спѣши, и рази его въ сію минуту; а я пойду воспалю Капитолій въ то самое время, какъ по повелѣнію моему Адріанъ умертвитъ гордаго Домиціана. Поспѣшай къ Титу; хитростію старайся съ нимъ быть одинъ, и возпользуйся щастливою минутою: вонзи, другъ мой! мечь свой въ грудь его; никто не усомнится, чтобъ умерщвленъ онъ былъ твоею рукою.

(*Уходитъ съ Адріаномъ.*)

Секстъ (помолчавъ).

Такъ, ты смертію мнѣ заплатишь; почто больше медлить? Пойдемъ........

(*Онъ хочетъ вытти; но увидя Аннія, съ торопостію останавливается.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Анній, Секстъ.

Анній (съ поспѣшностію).

Ахъ, другъ мой! все теперь ужасаетъ, уже въ Капитоліи оружія сверкаютъ. Подозрѣнія наши справедливы были. Въ сію ночь мерзскіе измѣнники Титу смерть пріуготовляютъ. Единый только Лентулъ, или подобныя чудовища могутъ соорудить таковой богопротивной замыселъ, и возненавидѣть Героя, нашего общаго покровителя, отца, друга, благодѣтеля, Монарха и гражданина. Ахъ, Секстъ! естьли когда усердіе наше къ нему содѣлывало насъ соперниками: то да будемъ нынѣ въ сей великой день неусыпны въ стараніи нашемъ доказать ему любовь и вѣрность нашу. Затвори врата чертоговъ сихъ, и храни здравіе Тита, Государя и друга нашего и всей вселенной; а я

 пойду

пойду разпоряжу вѣрныхъ воиновъ охранять путь къ дому сему. Будь безотлучно съ Титомъ, не оставляй его, и возпрети ему, когда потребно будетъ, хотя противъ воли его, выхожденіе отсюда; воздержи усердіе твое при семъ единомъ стараніи; а я поспѣшу встрѣтить всю опасность, меня ожидающую.

(*Уходитъ.*)

Секстъ (заблуждаяся).

Пойдемъ — Куда иду я? Увы! не знаю, гдѣ я. — Пойдемъ къ Лентулу. Нѣтъ, Анній, я послѣдую тебѣ. -- Дружба -- любовь -- бѣшенство. -- Ахъ! разсудокъ мой помраченъ, и угнѣтенъ толикими ударами; свѣтъ меркнетъ въ очахъ моихъ, чувствія смущенны, ужасъ меня обьемлетъ. Великіе боги! что долженъ я дѣлать?

(*Онъ въ безпамятствѣ опирается на кулису.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Вителлія, Секстъ, Туллія.

Вителлія (внутри Театра Тулліи).

Безчеловѣчная! колико ты меня обманула! я мнила торжествовать, а зрю себя презрѣнною. (*Сексту*) Секстъ! торопливое сердце твое учредило ли судьбу свою? Что медлишь? рази, избирай наконецъ мщеніе мое, или смерть мою.

Секстъ.

Ахъ! многія причины принуждаютъ меня исполнить мщеніе твое. Ты вдохнула въ душу мою всю ненависть твою. Титъ хочетъ — Единое имя его становится мнѣ противнымъ. Прости, я иду принести его тебѣ въ жертву. (*Онъ хочетъ вытти, и возвращается*) Естьли придетъ онъ сюда, естьли онъ откроетъ тебѣ — клянися мнѣ отцемъ своимъ, его смертію, его прахомъ, обоимъ намъ толь дражайшимъ, что бракъ соединитъ тебя съ единымъ только Секстомъ. — Что вижу я! Ты безмолвствуешь — Я трепещу — Лентулъ! О пагубный соперникъ, котораго я любилъ, котораго я теперь ненавижу!

Вителлія.

Я понимаю страхъ твой —— Поди, я клянуся всемъ быть твоею, естьли исполнишь ты обѣщаніе свое.

Секстъ.

Помни клятвы твои; —— мои исполнены будутъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Вителлія, Туллія.

Вителлія.

Наконецъ могу я надѣяться на сего торопливаго Секста; ревность его отвѣтствуетъ мнѣ въ его ярости. Конечно онъ мнитъ еще, что Титъ намѣренъ принести къ стопамъ моимъ и скипетръ и сердце свое. Сей ложной слухъ послужитъ ненависти моей, утвердя ярость въ колеблющейся душѣ его —— Невѣрной Титъ! ты наконецъ жизнію своею заплатишь за причиненную мнѣ обиду.

Туллія.

Ахъ! что сдѣлалъ Титъ тебѣ? Что говоришь ты объ обидѣ, когда тысячу новыхъ милостей —— . . . .

Ви-

Вителлія.

Что мнѣ милости? — Его сердца недостаетъ въ оныхъ. Ты видѣла жестокаго, съ какою холодностію, Туллія, объявилъ онъ моей горестной ревности свое намѣреніе завтра избрать себѣ супругу. Когда уста его, увы! начали рѣчь сію, я мнила, что имя мое скончаетъ оную; но зря меня предъ собою, сердце его не подвигнулося ко мнѣ. Мучитель намѣренъ еще учреждать мною! Лентулу, сказалъ онъ, обѣщалъ я твою руку. — Гнѣвъ мой безмолвственъ былъ, слыша крайность обиды сея; смущеніе и молчаніе мое принялъ онъ согласіемъ моимъ. Ахъ! сей свирѣпой Лентулъ, сей злодѣй, приводимой ко мнѣ рукою твоею, возбуждаетъ въ душѣ моей еще больше къ себѣ презрѣнія.

Туллія.

Ты обвиняешь Тита, и еще его любишь.

Вителлія.

Я хочу его ненавидѣть; — но чувствую, что обожаю его. Не всю ли вселенную имѣю я соперникомъ въ сердцѣ его? Такъ, Титъ, такъ, рука твоя въ брачный даръ приноситъ съ сердцемъ твоимъ приношеніе толь прелестное, всѣхъ сердца къ стопамъ любовницы твоей! Ахъ! чѣмъ больше сіе

щастіе для меня было бы драгоцѣнно, тѣмъ больше несносно мнѣ, что другая, а не я, наслаждаться будетъ симъ благополучіемъ. . . Но что я говорю? — Можетъ быть въ сію самую минуту пронзаютъ сіе сердце, всѣми толь обожаемое; я зрю его умирающа подъ остріемъ мечей, я зрю текущую кровь его, меня обагряющую. Я слышу гласъ Рима, гласъ цѣлаго свѣта, требующаго съ рыданіемъ отъ убивственной руки моей сего отца человѣковъ, погубленнаго моимъ неутомимымъ бѣшенствомъ, которой бы совершилъ ихъ благополучіе, естьли бы я его не любила . . . . .

Туллія.

Ты плачешь! В спрепятствуемъ Сексту, поспѣшимъ; еще можно. . . . .

Вителлія (воспріявъ ярость свою).

Постой! Какъ? ты хочешь, чтобъ я жила въ безконечномъ безчестіи презрѣнной любви, возмущающей славу и кровь мою? Должно ли превозмогать всегда душу мою? стыдиться, зря жестокаго презрѣвшимъ племя мое? видѣть его, дающаго скипетръ мой? и терзаться о единомъ благѣ, которое могло бы утѣшить душу мою, лишенную его сердца? Нѣтъ! смерть его окончитъ мученія мои; а естьли любовь еще

возропщетъ, то престолъ наконецъ погасить огнь ея. Когда единожды имѣешь скипетръ въ рукахъ своихъ, тогда легко забываешь, чьею кровію обагренъ онъ. О слава! ты первая обладала чувствіями моими. Благородное честолюбіе! Богъ великихъ сердецъ! повелѣвай мною; ты утушишь томные вздохи любви! —— Боги! я зрю Тита —— я трепещу! —— (*Здѣсь слышенъ шумъ за Театромъ, и видно зажженіе Капитоліи.*) О небо! что слышу я? —— Огнь! —— Они при мнѣ придутъ умертвить его. —— Сокроемся.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Титъ, Вителлія, Туллія.

Титъ.

Куда бѣжишь ты? Отъ чего страхъ твой? Сей шумъ, сей огнь воспаленной меня единаго только угрожаетъ. Думала ли ты когда, Вителлія, чтобъ меня возненавидѣли въ Римѣ, и въ тотъ самый день, когда все изъявляетъ мнѣ любовь свою? Великіе боги! почему должно, чтобъ Титъ стоилъ крови человѣкамъ? Я спѣшилъ исполнить должности сана моего, защищать подданныхъ мо-

моихъ, подвергая жизнь мою; но Аннiй и воины мои остановили меня въ чертогахъ сихъ. О судьба! на мнѣ единомъ излей ярость свою. Небо! рази меня единаго, я въ даръ прiемлю удары твои.

(*Онъ опирается на кресла*).

Вителлiя (тихо).

Съ мученiемъ сердечнымъ взираю я на жертву мою. Пойдемъ отсюда — Нѣтъ, останемся здѣсь, и возпрепятствуемъ совершить злодѣйство!

Титъ (взирая на Вителлiю).

Сколь радуюся я, что до дня сего отлагалъ бракъ мой! Колико бы пагубна была рука моя той, кою бы избралъ себѣ супругою! Теперь моя только жизнь подвержена опасности. Колико бы страдала душа моя, когдабъ щастливой рокъ не медлилъ моимъ избранiемъ!

Вителлiя (тихо).

Что слышу я? обо мнѣ ли онъ говоритъ? . . . . .

Титъ.

Ты блѣднѣешь, Вителлiя! ты страшишься! Поди къ Фулвiи, скройся въ ея убѣжище, тамъ тебѣ опасаться нечего. Я съ нею хотѣлъ дѣлить владычество мое, и теперь воины мои по повелѣнiю моему хранятъ дни ея. Поди туда.

да. Вели, чтобъ Секстъ ко мнѣ пришелъ; я здѣсь его ожидать буду, и съ нимъ и Анніемъ при вратахъ чертоговъ сихъ побѣдимъ злодѣевъ нашихъ, или падемъ мертвы.

(*Онъ бросается въ кресла.*)

Вителлія (тихо, выходя).

О небо! что слышу я? Когда душа моя тронута сожалѣніемъ, когда я вознамѣрилась спасти вѣроломнаго? —— Его спасти! Для кого? Для Фулвіи! —— Нѣтъ, пусть умретъ онъ, онъ того самъ желаетъ, онъ того достоинъ. Жестокой! я тебя предаю острію меча мстителя моего: погибнешь ты.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Титъ (одинъ сидя).

Я трепещу. Можетъ быть уже Секстъ послужилъ первою жертвою злодѣйству! Должно ли, чтобъ кровію его подкрѣпленъ былъ престолъ мой? Какой скипетръ можетъ замѣнить лишеніе друга?

ЯВ-

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Титъ (сидя), *Секстъ*, (внутри Театра, имѣя въ рукѣ кинжалъ).

Секстъ.

Вотъ онъ! Само небо вручаетъ его ярости моей.

(*Онъ подходитъ тихо.*)

Титъ (не видавъ его).

Секстъ! я не перенесу смерти твоей. Я скончаю жизнь мою, естьли ты погибъ.

Секстъ (остановясь).

Боги! онъ о мнѣ сожалѣетъ, а я пришелъ умертвить его. — Падемъ къ стопамъ его, откроемъ все ему.

Титъ (не видя его).

Бракъ бы мой погубилъ Вителлію; злой рокъ мой гонитъ все то, что я люблю.

Секстъ.

Что слышу я? умертвимъ! Любовь! управляй моею рукою!

(*Онъ намѣревается заколоть его.*)

Титъ (встаетъ съ скоростію).

Секстъ нейдетъ ко мнѣ! тщетно меня здѣсь удерживаютъ. Пойдемъ, и познаемъ. . . . . (*Онъ увидѣлъ Секста, которой отъ сего движенія опускаетъ руку свою.*) Великіе боги! благодарю васъ! Любезный и вѣрный другъ! ты живъ, я тебя обнимаю!

Секстъ (внѣ себя).

Что я? Нѣтъ болѣе силъ: ты, Государь, ты обнимаешь своего мерзскаго убійцу!

(*Онъ ему показываетъ кинжалъ.*)

Титъ (стремительно).

Ты, Секстъ?

Секстъ.

Я самъ: такъ, моя звѣрская рука хотѣла обагрена быть твоею добродѣтельною кровію; противъ воли моей душа моя возпротивлялась намѣренію моему; теперь еще, въ сію самую минуту я стремлюся къ злодѣйству —— и не могу учинить его.

(*Кинжалъ упадаетъ изъ руки его*).

Титъ.

О чудо ужасти непостижимое! —— Ябъ лучше желалъ смерть принять,

нять, чѣмъ видѣть тебя злодѣемъ! Тщетно упадаетъ желѣзо сіе изъ слабой руки твоей; ты пронзилъ сердце мое, лишившись добродѣтели своея! О праведные боги! Секстъ ли сіе? сей другъ нелицемѣрной?

Секстъ (бросившись на колѣни).

Ахъ! ты видишь предъ собою премерзскаго чудовища. —— Но онъ накажетъ себя за злодѣйство свое.

(*Онъ поднимаетъ кинжалъ и хочетъ убить себя.*)

Титъ (вырывая у него кинжалъ).

Постой! желѣзо сіе не для тебя вручено тебѣ было: удовольствуй друзей сихъ, которымъ ты противъ меня служишь: рази, вотъ грудь моя, пронзай!

Секстъ.

Гдѣ я? Какой громъ ударяетъ меня? Сіи взоры, толь милосердые, колико поражаютъ меня! Небо! О земля! пожри меня!

ЯВ-

ЯВЛЕНІЕ IX.

*Тит*ъ, *Секст*ъ, *Анній*,

*Лентул*ъ, *Воины*.

*Лентул*ъ (вбѣжавъ, обратясь къ Воинамъ). Друзья! отмстимъ за Тита, умертвимъ убійцу, презрительнаго Секста. (*Онъ приближается, и увидя Секста, говоритъ тихо:*) Измѣнникъ у ногъ!

(*Устрашенный Секстъ встаетъ, Лентулъ и онъ пребываютъ отъ удивленія неподвижны.*)

Анній (Титу съ радостнымъ восторгомъ). Ты живъ еще Государь! не обманываютъ ли меня глаза мои? Возможно ли было ожидать толь лютаго злодѣйства? (*указывая на Лентула*) Онъ все мнѣ сказалъ. Прости заблужденіе мое! Вооружая убійцу, я гналъ мстителя. Я защищалъ противъ него врата чертоговъ сихъ, и услышавъ отъ него о злодѣ, не могъ тому вѣрить. Отворивъ путь ему къ тебѣ для защиты твоея, самъ шествовалъ за нимъ, подозрѣвая его въ злоумышленіи.

*Секст*ъ (Лентулу).
Кто? Ты? . . . .

Лентулъ (прервавъ его, Титу).

Другая боязнь устрашаетъ духъ мой. Безъ скорѣйшей помощи Домиціанъ погибнетъ; я зналъ, что въ ту самую минуту, какъ сіе мерзское чудовище долженъ былъ здѣсь скончать жизнь твою смертоносным мечемъ, толпа бездѣльниковъ, преданныхъ его злодѣйствамъ, должны были умертвить брата твоего въ его домѣ.

Титъ (стремительно Сексту).

Какъ! звѣрство твое не насыщалось еще моею кровію? — Побѣжимъ всѣ къ брату моему и спасемъ жизнь его.

Анній.

Въ какую новую опасность ты хочешь повергаться? . . . .

Лентулъ (съ великимъ стремленіемъ).

Между насъ двоихъ можетъ ли Титъ чего опасаться?

Анній (Титу, которой намѣревается итти).

Но Государь. . . .

Титъ.

Умѣрь, Анній, усердіе твое: я долженъ спасти жизнь брата моего.

(*Онъ хочетъ итти.*)

Секстъ.

Секстъ.

Постой, о Государь! чему ты себя подвергаешь? Въ руки злодѣйскія, жесточайшія всѣхъ. . . .

(Онъ идетъ показать Лентула)

Титъ (прервавъ его).

Измѣнникъ! я мало страшусь твоихъ недостойныхъ сообщниковъ: ожидай казни ихъ по возвращеніи моемъ отъ брата моего. (*Нѣсколькимъ Воинамъ*) Вы храните сего преступника, представьте его Сенату, пусть безъ малѣйшаго упущенія строгость законовъ судитъ злодѣйство его. (*Сексту*) А естьли число убійцевъ сихъ превозможетъ меня, при скончаніи моемъ я единое только сожалѣніе имѣю то, что смерть моя будетъ тебѣ злодѣйствомъ.

(Онъ уходитъ съ Лентуломъ, Анніемъ и большею частію Воиновъ.)

Секстъ (нѣкоторымъ Воинамъ)

Ахъ! бѣгите, любезные друзья! примѣчайте за Лентуломъ. . . . О небо! я умру доволенъ, естьли ты спасешь Тита.

(Его уводятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

(*Театръ представляетъ кабинетъ Титовъ и въ немъ все принадлежащее къ писанію*)

ЯВЛЕНІЕ I.

Титъ, Анній.

Анній.

Такъ, повсюду разсѣвали слухъ о смерти твоей, чтобъ тѣмъ обезоружить усердіе защитниковъ твоихъ; Римъ видѣлъ себя еще въ плачѣ и въ отчаяніи, и Вителлія въ горестныхъ слезахъ хотѣла прекратить жизнь свою.

Титъ.

Я тебѣ долженъ, Анній, и жизнію и царствомъ; и тѣмъ любезнѣе для меня день сей, что твоимъ усердіемъ сохранена жизнь моя. Но какъ взоры твои, проникая толико ужастей, возмогли познать Лентулово злоумышленіе?

Ан-

Анній.

Долгое время старался я проникнуть мысль его, и опасности, тебѣ предстоящія, открыли мнѣ сокровенности души его. Тщетно ложное его усердіе прикрывало измѣну; прибытіе его къ чертогамъ симъ утвердило подозрѣнія мои. Онъ, увидѣвъ тебя спасеннаго, не явилъ ни малѣйшаго знака радости: я въ немъ и въ Секстѣ увидѣлъ двоихъ смущенныхъ удивленіемъ измѣнниковъ, взаимно укоряющихся взорами въ своихъ неуспѣшныхъ преступленіяхъ. Секстъ въ угрызѣніяхъ своихъ явивъ его сообщникомъ своимъ, совершенно утвердилъ подозрѣнія мои: я слѣдовалъ неотлучно за злодѣемъ симъ, и взоры мои скоро проникли сокрытыя его намѣренія. Въ жесточайшемъ сраженіи, когда въ пользу злобы его онъ видѣлъ самаго тебя съ твоею неустрашимостію, и радуяся душевно случаю исполнить свое звѣрское желаніе, онъ поднялъ уже руку свою съ смертоносным остріемъ на главу твою, какъ вдругъ въ несказанномъ трепетѣ вонзилъ я самъ мечь мой въ грудь его и повергъ его мертвымъ на землю: тогда измѣнническая толпа, узнавъ, что начальника своего лишились, старались бѣгствомъ спасать жизнь свою, и оставили нѣсколько захваченныхъ нами, которые уже наименуютъ Лентула начальникомъ злодѣйства и измѣны.

 Титъ.

Тит.

Престанем о сем, друг мой! есть дело нужнейшее. Скажи мне, что делает Секст?

Анній.

Он был нам представлен, Государь. Как скоро узнано было здесь преступленіе его, так скоро все начальники Рима в Сенат собралися. Страх, ужасть, стыд отягчают дух их; они проклинают день сей, служащій в безчестіе веку нашему; сердца их поражены ударом, тебе приготовленным; изменник осужден по собственному своему признанію: и вот определеніе судьбы его, сколь ужасное, столь и справедливое. (*Он отдал Титу определеніе Сената. Тит, взяв его, тихо читает, между тем, как Анній продолжает говорить.*) Мы ожидаем только, Государь, твоего подписанія, дабы предать на разтерзаніе лютейшим львам сего чудовища, свирепейшаго и жесточайшаго их самих.

Тит (со слезами).

И ты без слез зришь на сію пагубную жертву! Воспомни, какое было сердце того, кому правосудіе мое довольно ныне смерть определить.

Ан-

Анній.

Онъ сдѣлался злодѣемъ; я его больше не знаю.

Титъ.

А я не познаю твоей жестокой добродѣтели. Всегда человѣчество страждетъ о тѣхъ, которыхъ погубить должно; и тѣмъ больше добродѣтель воздыхаетъ. Какой судія можетъ безъ трепета осуждать на смерть человѣка! Нещастіе Государя есть должность наказывать. . . . Скажи, что говоритъ нещастной, и какое его оправданіе?

Анній.

Онъ не оправдается, и единаго себя самаго обвиняетъ. Чувствуя послѣднія мученія отчаянія и терзая грудь свою, омоченную слезами, изъ милосердія проситъ онъ жесточайшихъ казней. Но мы, Государь, теперь пойдемъ вопрошать его сообщниковъ, и тогда познаемъ. . . . . .

Титъ.

Другъ мой! пусть онъ придетъ ко мнѣ. Я хочу познать сію пагубную тайну. Сердце его ничего отъ моего не сокроетъ; можетъ быть оправданіе его заключается въ глубинѣ души его. Давно уже я зрю его сокровенныя мученія, его снѣдающія огорченія и тайныя терзанія: для спасенія моего сто разъ онъ

возпринималъ открыть мнѣ предстоящую опасность жизни моея; въ сей самой день онъ предувѣдомлялъ меня о семъ злодѣйствѣ; и въ ту минуту, какъ пришелъ совершить оное, единое объятіе могло обезоружить его. Конечно онъ кѣмъ нибудь обольщенъ былъ; сіе узнать потребно. Пусть онъ признается въ томъ, и тогда онъ возможетъ умилосердствовать Государя своего. Вели его привести ко мнѣ, другъ мой. Въ награду пятнатцати лѣтъ благодѣяній, я хочу только узнать причину преступленія его.

(*Онъ кладетъ опредѣленіе на столъ и садится подлѣ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Титъ (одинъ и сидя).

Вотъ каковыхъ друзей намъ скипетръ даетъ! Боги! колико унижаете вы гордость короны! Безразсудные наши подданные равняютъ насъ съ вами, а послѣдніе изъ нихъ стократно щастливѣе насъ. Самой низкой изъ чрезвычайной низости при первомъ обозрѣніи видитъ, кто любитъ его и кто ненавидитъ; но мы. . . . Всѣ для насъ наружностію

ностію украшаются, и взоры никогда ни чьи не сходствуютъ съ сердцами.

ЯВЛЕНІЕ III.

Титъ, Секстъ, Воины.

Секстъ (внутри Театра, увидя Тита).

Гдѣ я могу сокрыться? --- О адъ! будь мнѣ убѣжищемъ! избавь меня ужасти видѣть Тита моимъ судіею, явиться глазамъ его облеченъ злодѣйствами, и ихъ сравнивать со всѣми его благодѣяніями.

Титъ (сидя).

Подойди!

Секстъ.

Какое мученіе и какой стыдъ Какъ отвѣтствовать я ему буду въ добродѣтеляхъ, коимъ научалъ онъ меня? О жесточайшее терзаніе несноснаго презрѣнія! Колико трудно снесть посрамленіе, когда достоинъ онаго!

Титъ.

Подойди, я тебѣ говорю.

Секстъ (нѣсколько подойдя).

Почто я живъ еще? Гласъ его поражаетъ сердце мое, взоръ его раздираетъ оное на части.

Т и т ъ.

(*Воинамъ*) Оставьте насъ! — (*Тихо*) Неблагодарной въ сожалѣніе меня приводитъ. (*Нѣсколько помолчавъ*) Секстъ! и такъ то правда, что ты хотѣлъ умертвить меня? Ты возносилъ вооруженную твою руку въ твоемъ чрезмѣрномъ бѣшенствѣ; на кого? безразсудной! на другаго самаго себя! Естьли не почиталъ ты во мнѣ Государя твоего, ахъ, жестокой! какъ возмогъ ты возненавидѣть благодѣтеля, друга своего? Я не хочу возмущать тебя еще больше разсказываніемъ тебѣ сихъ толь великихъ благодѣяній, тобою забвенныхъ; я навсегда изгналъ ихъ изъ памяти моей: но Секстъ, позабывъ ихъ, воспомнилъ мнѣ объ нихъ. Какъ? Ты ненавистію своею награждаешь толь великую дружбу? Съ младенчества твоего я былъ тебѣ отцемъ, а ты смерти моея хочешь? Какъ возмогло сердце твое позволить сіе? Скажи: когда Секстъ вѣроломенъ, гдѣжъ друзей найти можно?

Секстъ (во слезахъ бросившись на колѣни).

Ахъ, Титъ! —— Ахъ, Государь! когдабъ чувствительная душа твоя единую только минуту могла видѣть ужасное состояніе сердца моего, тыбъ сожалѣлъ о нещастіяхъ моихъ, каковы онѣ! Всѣ твои благодѣянія несказанно меня терзаютъ. Я стараюсь забыть о нихъ, но мстительный гласъ ихъ непре-

престанно мучитъ душу мою и приводитъ меня въ отчаяніе: онѣ всѣ, воспоминаяся памяти моей попеременно, вонзаютъ мечь въ сердце мое, обвитой ужасными зміями. Повели прекратить мученіе мое! Скончавъ жизнь мою жесточайшими казнями изъ милосердія, Государь, поспѣшай правосудіемъ твоимъ. Не продли мнѣ сего противнаго безчестія, сего жестокаго терзанія быть самому мерзку себѣ: да избавитъ смерть меня отъ тягости злодѣйствъ моихъ! Рази! любовь меня стыдитъ быть живу послѣ ихъ.

Титъ (вставъ).

Встань! — я не могу сносить больше слезъ сихъ. Зри, неблагодарной, изъ бездны нещастія твоего сей санъ, толь желаемой, бѣдами окруженной! Въ ослѣпленіи твоемъ чего ты надѣялся отъ престола? Вышняго благополучія? — Ты видишь, наслаждаюсь ли я имъ? Желай теперь еще скипетра, и смотри на плоды его.

Секстъ.

Нѣтъ! ложной блескъ его не прельщалъ меня.

Титъ.

Да что же такое? Какое неизвѣстное заблужденіе? —

Секстъ.

Слабость —

Титъ.

Титъ.

Доканчивай!

Секстъ.

Нещастіе —

Титъ.

Оставь стыдъ и страхъ, открой мнѣ все чистосердечно. (*Взявъ его за руку*) Здѣсь Титъ одинъ, Кесарь не хочеть здѣсь быть; позабудь Государя твоего, зри во мнѣ единаго твоего нѣжнаго друга; открой сердце твое предо мною, и будь увѣренъ, что Титъ Императору ничего не скажетъ. Скажи мнѣ причину преступленія твоего; я больше тебя самаго желаю, чтобы она была законна. Колико возрадуюсь я, увидя тебя невиннымъ! Когда же не найду тебя таковымъ, то по крайней мѣрѣ, можетъ быть, меньше ты виненъ, чѣмъ кажешься теперь. Постараемся оба сыскать оправданіе твое.

Секстъ.

Нѣтъ для меня больше оправданія: молчаніе мое меня обвиняетъ.

Титъ.

Сіе жестокое молчаніе усугубляетъ преступленіе твое; воспомни, что сердце твое вѣдаетъ всѣ тайны мои, а я единой только требую изъ твоихъ.

Секстъ (тихо).

О нестерпимая мука! я долженъ еще раздражить Тита и погубить Вителлію.

Титъ.

Титъ.

Когда я прошу, Секстъ безъ жалости тогда пребываетъ? Неблагодарной! твоя недовѣренность раздражаетъ дружбу; чувствительнѣйшимъ ударомъ жестокость твоя меня поражаетъ.

Секстъ (тихо).

О любовь! удержи тайну мою въ устахъ моихъ, которую не силенъ сокрывать болѣе.

Титъ.

Какое упрямство! —— раздраженный Монархъ скоро можетъ принять мѣсто презрѣннаго друга. Рѣшись, говорю! ты молчишь еще? Измѣнникъ! поди, ты превозмогаешь милосердіе Государя твоего.

Секстъ.

Государь! познай все —— Боги! что дѣлаю я?

Титъ.

Продолжай!

Секстъ.

Должно —— нѣтъ никогда:

Титъ.

Что говоришь ты?

Секстъ (въ отчаяніи).

Что я измѣнникъ, вѣроломной, засвирѣпѣвшій въ злодѣйствѣ, собственнаго бѣшенства

ства моего презрительная жертва, достойной тысячу различныхъ жесточайшихъ мученій. Я мерзокъ самъ себѣ, какъ и всей вселенной, и изъ милосердія прошу смерти.

Титъ.

Я тебѣ ее даю, неблагодарной! — Воины! возмите его.

Секстъ (помолчавъ).

Титъ! ахъ! каковое разставаніе! — Такъ ли должны мы разстаться? Мнилъ ли ты, чтобъ Секстъ умеръ, ненавидимъ тобою? — Но когда за злодѣйства мои достойную я казнь пріиму, когда со срамомъ низвергнусь въ пропасти ада, тогда по крайней мѣрѣ оставь твой праведной гнѣвъ, и возврати милость къ памяти моей, и воспоминая о щастливомъ теченіи первыхъ лѣтъ моихъ, отврати взоры твои отъ послѣднихъ дней моихъ.

(*Его уводятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Титъ (одинъ).

Какъ! безчеловѣчной твердъ въ измѣнѣ своей? Отецъ къ сыну своему могъ ли бы толь мало строгъ быть? Измѣнникъ! я полагаю въ твою власть судьбу твою, но ты принудилъ замолчать милосердіе мое; оно наконецъ безмолвствуетъ: умри злодѣй! — (*Онъ подходитъ къ столу для подписанія опредѣленія и останавливается*) Ахъ! естьли Монархъ наказывать долженъ; но мщеніе должно ли вмѣщаться въ правосудіе его? Что говорю я? Лишить жизни есть власть жестокая, которую присвоиваетъ себѣ послѣднѣйшій изъ смертныхъ; но дать ее, великіе боги! коль превосходно сіе преимущество! Сіе право съ вами едиными Государь раздѣляетъ. Пусть Секстъ живъ будетъ! — Но что? я безъ наказанія оставлю нарушеніе основанія священнѣйшихъ законовъ? Небо вѣнчало меня Царемъ для мщенія обиды ихъ. Брутъ для отечества природу превозмогъ: превозможемъ дружбу, учинимъ сіе праведное усиліе; преступникъ самъ виною смерти своей. (*Онъ садится и беретъ перо для подписанія.*) И такъ правосудіе мое утопать будетъ въ крови человѣческой! Кровь друга моего обагритъ славу царства моего! Свѣтъ скажетъ:

Титъ

Титъ прискучилъ милосердіемъ своимъ, подобно какъ Августъ и Силла прискучили жестокостію своею. (*Онъ бросаетъ перо на столъ, раздираетъ опредѣленіе и встаетъ.*) Нѣтъ, не будетъ сего. Не обезславимъ добродѣтель симъ жестокимъ опредѣленіемъ; судія подданныхъ своихъ я и отецъ ихъ; и когда преступники меня единаго только угнѣтаютъ, тогда въ моей собственной обидѣ я властенъ законъ преступить. О Титъ! боги сотворили душу твою въ день милосерднѣйшій. Зри, колико строгость дорого стоитъ сердцу твоему! Почто тебѣ отказывать себѣ твое величайшее удовольствіе? Такъ, Титъ! мни безпрестанно, что лучше, чтобъ истинна предъидущихъ вѣковъ укоряла память твою прощеніемъ, а не казнію; чрезмѣрнымъ милосердіемъ, а не чрезмѣрнымъ правосудіемъ. (*Нѣкоторымъ Воинамъ, кои пребывали при дверяхъ внутри Театра.*) Приведите Секста. — Насладимся радостію, каковою чувствія его вдругъ объяты будутъ. А естьли онъ и не достоинъ сей великой милости, то сердце мое оной достойно.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ V.

Тит, Анній, Сенаторы, Народ.

Анній (Титу).

Государь! прекрати трепет сего устрашеннаго народа; он просит от тебя возвращеннаго любви его, он со слезами изпрашивает от несравненнаго сердца твоего, чтоб хотя единожды умолкло твое опасное милосердіе; не вотще Мида вручала мечь рукам твоим: омой кровію стыд Римлян.

Тит.

Народ! познай лучшее право Государя; он может быть милосерд, не преставая быть правосудным. Между подданным и собою милосердіе его должно посредствовать. Междуж подданных своих он должен слѣдовать закону. Так, сим щастливым согласіем вышнее Существо из сих двух добродѣтелей творит самое Божество свое.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Титъ, Вителлія, Анній, Туллія, Сенаторы, Народъ.

Вителлія (входя съ поспѣшностію).

Ахъ, Государь! спаси нещастнаго друга твоего; вѣрность его уловлена была ужасными сѣтями! Онъ невиненъ; онъ былъ только орудіемъ мерзскаго чудовища, преступника противъ тебя, противъ его еще больше виновнаго. Я пришла предать злодѣя сего твоему правосудію; но познавъ его, ты возтрепещешь отъ ужасти....

Титъ.

Постой, Вителлія! намѣренія мои можетъ быть тебѣ лучше понравятся. Я хочу простить ему: почтожъ и знать его? Каждой бы день онъ предо мною трепеталъ, и не стерпѣвъ страха своего, наконецъ еще бы больше возненавидѣлъ меня. Но сколь сладостно мнѣ видѣть, что великодушное участіе въ Титѣ ты пріемлешь, и что Лентулъ не возмогъ лишить меня твоей вѣрности! — Я зрю, что сей жестокой тебя больше, чѣмъ меня обманулъ. Онъ отвратилъ намѣреніе мое возвести тебя на мѣсто родителя твоего; конечно онъ

мнилъ,

мнилъ, прикрывая злодѣйство свое твоими правами, возмутить въ пользу себѣ неспокойныхъ духовъ въ Римѣ; но вѣрная твоя дружба его теперь изобличаетъ, и намѣреніе мое возраждается, когда его уничтожено.

(Онъ видитъ входящаго Секста, и къ нему подходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Титъ, Секстъ, Анній, Вителлія, Туллія, Сенаторы, Воины, Народъ.

Титъ (Сексту, которой весьма смутился, увидя Вителлію).

Пріиди! я хотѣлъ знать, кто вооружалъ противъ меня руку твою; къ милосердію моему я присовокуплялъ сіе желаніе. Но теперь, Секстъ, я тебѣ запрещаю открывать мнѣ тайну сію: съ симъ условіемъ сердце мое возвращаетъ тебѣ свою дружбу. Пріиди, обойми Тита, и забудемъ все прошедшее!

Секстъ (внѣ себя отъ радости).

Во снѣ ли вижу я? кто я — Великіе боги! я не могу еще вѣрить. (*Съ восторгомъ*) И ты не хочешь, Государь, чтобъ тебя боготворили? — Ты усугубляешь злодѣйство мое, позабывая его.

Титъ.

Престанемъ говорить о семъ, прошу тебя. (*Вителліи*) Да милосердствуетъ также ему его Государыня! (*Къ предстоящимъ*) Народъ, Римляне, друзья мои! будьте всѣ довольны, я пріемлю Римлянку себѣ супругою, я вамъ даю Царицу, и себѣ друга возвращаю. (*Вителліи*) Безъ тебя владычество мое на престолѣ было несовершенно. Принявъ руку мою, да будетъ вспомоществовать мнѣ твоя рука; въ насъ двоихъ заключена будетъ надежда цѣлаго свѣта!

Вителлія (упавъ въ руки Тулліи).

Я умираю!

Секстъ (тихо).

О! прощеніе жесточае смерти! Увы! безъ роптанія я долженъ сносить судьбу мою.

Титъ

Титъ (Вителлiи).

Ты безмолвствуешь? Какая ужасная блѣдность! . . . .

Вителлiя.

Она смерть возвѣщаетъ. Что сдѣлала я нещастная? О бѣшенство! о отчаянiе! я въ сей день лишаю себя всего того, чего желала слава и любовь моя. О пагубной Лентулъ! твое неслыханное звѣрство. — Праведное небо! злодѣйства мои на меня самое обратились.

Секстъ.

Что слышу я?

Титъ.

Вителлiя!

Вителлiя.

Я мнила, что Лентулъ побѣдитель, — Тебя погубить и служить ему, несносно было сердцу моему. Ядъ. . . . .

Титъ.

Боги!

Секстъ.

Жестокая!

Вителлія.

Увы! Титъ — я тебя любила нѣжнѣйшею любовію. (*Секстъ удивленъ и въ бѣшенствѣ, а Вителлія продолжаетъ.*) И таково есть торжество, для Тита сотворенное, что самими убійцами своими онъ обожаемъ. Беренида тобою предпочтена была, и отъ сего начались всѣ умыслы мщенія моего. Я льстила себѣ безразсудною надеждою, что скипетръ можетъ въ сердцѣ моемъ замѣнить тебя. Секстъ, не зная тайну ревности пламени моего, воспалясь ко мнѣ любовію, былъ мною приведенъ къ измѣнѣ. (*Титъ удивленный смотритъ на Секста, которой пребываетъ въ великомъ смущеніи.*) Въ награду смерти твоея я обѣщала ему мою руку, и тѣмъ изъ вѣрнѣйшаго друга учинила его убійцемъ. Ахъ, Секстъ! прости толикому злодѣйству; ты видишь, колико сверьхъ мнѣнія твоего я сама себя наказала: царства и сего Героя злодѣйства мои меня нынѣ лишаютъ. Но при смерти моей по крайней мѣрѣ я нахожу прелестное удо-

воль-

вольствіе видѣть, что Титъ съ послѣдними вздохами моими смѣшиваетъ слезы свои. При дверяхъ гроба онъ отдавалъ мнѣ сердце свое. Испуская послѣдній духъ, я получала то, чего желала, и вкушаю сіе мгновенное благополучіе. — Свѣтъ меркнетъ въ глазахъ моихъ. — Я зрю пропасти ада. — Простите!

(*Ее уносятъ.*)

Секстъ.

Боги! послѣ толикаго вѣроломства я плачу еще ожесточенной; и ударъ, ее поразившій, меня толико же наказываетъ. Титъ все прощаетъ. Но небо строжайшее, увы! мститъ за Царей, не мстящихъ за себя.

Титъ.

Пріиди въ объятія мои, другъ мой! забудемъ любовь, нещастія и преступленія ея, возвратимъ дружбѣ два сердца, достойныя ея. Народы! Сексту должны вы спасеніемъ жизни моея; его сердце меня безпрестанно защищало противъ руки его. А вы, великіе боги! естьли строгость есть должность престола, премѣните сердце мое, или лишите меня короны!

КОНЕЦЪ.